

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2003

Путь проклятого

Пустая душа

Бегство. Сквозь тьму, ужас и боль.

Боль — привычное чувство, которое никогда не покидало его. Он свыкся с ней, словно она была его частью. Он почти видел ее, сияющим ореолом окружающую все вокруг, и только благодаря силе, которую он черпал из этой ауры боли, страха, и отчаяния, он все еще был жив.

Крики... звуки настигающей погони и усиливающаяся боль, и сила, восстающая в глубинах его сознания. Он почти летел и чувствовал, что в этот момент может сотворить *все*. Эта сила пульсировала в нем, кровь разгоняла ее по телу приятной отрезвляющей, успокаивающей волной. Он чувствовал себя частью этой силы, и одновременно понимал, что она его часть, заключенная внутри невероятная энергия и мощь, способная сокрушить любого, кто встанет на его пути. Если бы только он мог использовать эту мощь!

...Знакомый переулочек. Вверх по водосточной трубе, прыжок вниз — в телегу, груженную мешками с гнилой капустой, снова вверх, на этот раз по неровной крыше заброшенного дома, черепица выскальзывала из-под ног и падала во тьму... Теперь по лестнице... Звуков погони почти не слышно, неужели оторвался?.. Свист спущенной тетивы. Стрела пролетела возле его головы, легким порывом качнув в сторону серебристо—белые волосы, сияющим ореолом окружающим темно-красное лицо с сосредоточенными

золотыми глазами. В мире, где любая странность — это повод для насмешек и издевательств, быть ненормальным, в понимании тех людей, которые живут в особняках у набережной, значит, быть мертвым. Особенно когда в твоих жилах течет кровь демона...

...Разбежавшись, он оттолкнулся от вертикальной стены, и, кувыркнувшись в воздухе, перелетел через противоположную стену ветхого дома с провалившейся крышей, приземлившись на груде грязного тряпья. Не дожидаясь, пока патруль догонит его, он выпрыгнул из дома, сбив с ног обомлевшего нищего, стоявшего у входа. Алой молнией, он проскользнул в тихих переулках, где было слышно лишь мягкое топанье крысиных лапок и звон падающих капель. Он затерялся во тьме. В своих владениях, которые знал только он, и, быть может, еще несколько таких же отчаявшихся изгоев, отринувших мир, где даже самый богатый человек не может позволить себе право на одиночество...

***

...Капанье воды: тихое, размеренное, успокаивающее. Топот крысиных лапок — это хорошо: крысы вкусные и сочные, их кровь теплая, насыщенная жизнью.

Его звали Энейер. Он повторял это имя, пока оно не превращалось в бессвязное мычание священника, узревшего откровение своего бога. Очень важно было не забыть свое имя, не потерять его во тьме вместе со всем остальным, что ушло и не вернулось.

Сидя у края огромной лужи, натекающей в заброшенный зал разрушенного дворца, он прислушивался к капанью воды и вспоминал свою

недолгую жизнь, чтобы скоротать одинокие часы и не отдать эти воспоминания темноте...

***

— Лови! — слепой засмеялся, обнажив кривые желтые зубы, и бросил сотканный из кусков старой одежды мяч в Энейера.

Тот легко перехватил его и бросил обратно старику. Слепой с поразительной точностью перехватил мяч и Энейеру, как всегда, показалось, что слепота — большой розыгрыш, а старик на самом деле отлично видит, просто слепым быть гораздо выгодней, чем просто хромым... Но нет, тугая повязка, прикрывающая выжженные глаза, была на месте, а через нее не смог бы ничего увидеть даже зрячий.

— Неплохо! — похвалил Слепой то ли Энейера, то ли себя, и бросил мяч обратно.

Они еще некоторое время перебрасывались грубым свертком тряпья, играя и смеясь. Энейеру нравился Слепой, у него не было имени, вернее, он не открывал его всем подряд, наверное, хотел отбросить в прошлое человека, которым был. Так иногда Энейер пытался отбросить самого себя, но это было сложнее, чем вырвать собственное сердце из груди, орудия чайной ложкой.

Воспоминания... Это было до того, как Слепой случайно коснулся головы Энейера и нащупал на ней небольшие, чуть изогнутые рога, до того как Энейер нашел труп старика в одном из темных переулков Блошиного Рынка — самого бедного района портового города Ласкана.

Камбион. Это слово всегда притягивало Энейера, с тех пор как он нашел в старой, заброшенной библиотеке книгу об экзотических расах Фэйруна, пытаясь определить, кто же он. Энейер не проводил больше ни дня

без чтения этого огромного фолианта. Он давно выучил его наизусть, но все равно каждый раз открывал книгу в тусклом лунном свете и читал вслух:

«Камбион — чрезвычайно редкий гибрид эльфа и демона (существа с Нижних Планов бытия). Камбиона можно назвать аналогом тифлинга (гибрида человека и демона), но существует ряд отличий, среди которых: высокая сопротивляемость магии, сильная личность и воистину дьявольская сообразительность...»

«Я — камбион».

Энейер определил это не столько по острым эльфийским ушам, серебряно-белым волосам, темно-красной коже и изогнутым рогам, сколько по странному чувству заключенной в нем силы. Он чувствовал в себе частицу адского пламени, пожирающего его изнутри, сжигающего его душу и оставляющего на ее месте неутолимую жажду крови.

Пустая душа, выгоревшая изнутри...

Сегодня ему приснился сон, кошмарный сон, который посещал его каждый раз, когда жажда крови становилась невыносимой, и тело, дрожа и извиваясь, покрывалось холодным липким потом. Жажда убийства и разрушения. Жажда демона...

Он видел себя стоящим на горе черепов — острове в кровавом море, волны которого, переливаясь алыми оттенками на солнце и разбиваясь об острые края костяного острова, обдавали его брызгами теплой крови.

Пустая душа, выгоревшая изнутри... Тихое капанье воды скрыло в своем приятном звоне шаги приближающейся к спящему камбиону группы людей. Эти люди были одеты в широкие бархатные плащи с капюшонами.

— Он спит? — спросил самый высокий из «балахонников», озабоченно склонившись над Энейером.

— Да, архимаг, — проговорил человек в темно-красном плаще, единственный, чье лицо не было скрыто. На его лбу была татуировка в виде белого человеческого глаза со странно расширенным зрачком. — Похоже, его одолел очень сильный сон, но если вы все же боитесь, что он проснется, у меня есть несколько заклятий, с помощью которых я заставлю его уснуть еще крепче.

— Не стоит, Мастер Иллюзий, — отмахнулся архимаг, рассматривавший лицо Энейера. — Подумать только — настоящий, живой камбион. Какое все-таки счастье, что мы отыскали его раньше этих чертовых колдунов Башни!

— Да, архимаг, и в этом только ваша заслуга, — поклонился зеленый балахон.

— Ерунда, Мастер Созданий, мы все хорошо поработали, — архимаг позволил себе расслабиться и улыбнуться. — Ну, хватит стоять тут и попусту сотрясать воздух. Где мешок?

Энейер не проснулся, даже когда мягкий черный мешок упал на его голову...

Начало пути

...Камбион вогнал кривую саблю в кожаные ножны, украшенные черными опалами, и окинул прощальным взглядом город, который он долгое время называл своим домом.

Ласкан. С высоты окрестных скал, упирающихся в бушующее море, портовый город был виден как на ладони. Отливающая серебром жемчужина центральных районов и храмов, чьи высокие шпили, блестя золотом, вздымались на десятки метров; покрытая черным кантом нищенских

кварталов, где прошло детство Энейера. Бледно-розовое в лучах заката море разбивало волны о выложенные белым камнем набережные; его прощальные лучи отражались от куполов величественных дворцов, солнечным зайчиком играя на гигантских витражах купеческих домов, перетекая по ним будто волны другого, искрящегося моря света и тени.

Энейер равнодушно теребил пальцами рукоять сабли, задумчиво глядя в горизонт, где огромный шар алого солнца уже наполовину скрылся в кровавых водах моря, переливающегося в закатных лучах. Он знал, что уже никогда не сможет назвать этот город своим домом: Ласкан остался позади, а он все еще двигался вперед, тщетно пытаясь найти свою судьбу.

Годы изнурительных тренировок и работы на Орден Сияющего Пламени пролетели как один миг. Для небольшой группы магов было большой удачей заполучить к себе на службу живого камбиона. К сожалению, магических способностей у Энейера не обнаружилось, но адептам Сияющего Пламени это не помешало выдрессировать худого мальчишку и сделать из него воина-кенсаи — бойца, способного слиться со своим оружием в единое целое, стать частью энергии *кй*, дающей живому существу огромную силу.

Десять лет он выполнял поручения Ордена, пока не осознал — это не его жизнь и не его предназначение. Пустая душа не может обрести покой. Он решил уйти. В то время он уже полностью возвратил все долги Ордену, и даже более того: благодаря его трудам небольшая группа магов-изгоев превратилась в заметную силу на Севере, обрела богатство и уважение.

***

— Ты действительно хочешь уйти? — спросил у него архимаг Тенеру, когда Энейер впервые сказал ему о своем намерении. — Что ж, это твое право, сейчас мы уже сможем обойтись без тебя, хотя твои услуги и были полезны... а иногда неоценимы.

— Да, архимаг, — кивнул Энейер. — Я благодарен вам за помощь, но я отплатил свой долг сполна, меня больше ничего не держит здесь...

— Поступай, как знаешь, но помни, здесь, в Ордене, ты уважаемый и известный боец, но там, — архимаг взмахнул рукой в сторону окна. — Ты будешь никем. Я уверен, ты не забыл свою прошлую жизнь, полную боли и отчаяния, ведь это может повториться. Над тобой будут насмехаться, тебя будут ненавидеть из-за твоего происхождения, завидовать из-за твоих способностей. Ты ищешь понимания, но ты его не найдешь...

— Я не ищу понимания, архимаг, я ищу покоя.

— Покой — только в смерти, поверь мне, Энейер. Ты молод даже для человека, а для камбиона твои двадцать пять — вообще не возраст. Боюсь, ты все же найдешь свой покой, погибнув от руки какого-нибудь глупца. Ты мог бы еще многому научиться, — архимаг вздохнул и сложил руки на коленях. — Но вижу, твой выбор ясен. Прими мое благословение и знай, ты остаешься членом Ордена независимо от того, останешься ты или уйдешь, ты волен вернуться, когда тебе будет угодно, тебе здесь всегда рады, ты можешь также просить помощи у других членов Ордена Сияющего Пламени, где бы ты ни был.

— Благодарю вас, архимаг.

— Иди, Энейер, — проводил его взмахом руки Тенеру. — Найди свою судьбу.

***

...Солнце послало последний, зеленый луч, волной пробежавший по стеклам засыпающего города. Энейер развернулся и начал спуск, легко перепрыгивая с камня на камень, в изящном падении с высокого склона каменной гряды, окружающей портовый город Ласкан. Босые ноги скользили по влажным холодным камням. Энейер не носил обуви: мозолистые, тренированные ступни не нуждались в ней, к тому же босиком он чувствовал себя гораздо свободнее и уверенней, чем в неудобных сапогах.

Спустившись с каменного взгорья, Энейер перешел на бег, мышцы работали как бешеные, и он с огромной скоростью неся через лес, просто чтобы проверить предел своих возможностей. Ночь окончательно вступила в свои права, когда Энейер, тяжело дыша, вышел на тракт — широкую дорогу, протоптанную тысячами путников, лошадей и повозок. Остановившись, чтобы передохнуть, он присел на округлый придорожный камень, подняв вспотевшее лицо к звездному небу. Он долго сидел неподвижно, наслаждаясь приятным теплом, разливающимся по всему телу. Камбион любил тепло.

— Эй, путник, огоньку не найдется? — хрипловатый голос, неожиданно прозвучавший в ночной тишине, заставил Энейера подскочить от неожиданности.

Кляня себя за то, что не услышал приближение незнакомца, камбион развернулся, надеясь, что незнакомец не разглядит в темноте короткие острые серебристые рога и темно-красную кожу, выдающую в нем демона. Быстро набросив на голову капюшон, Энейер чуть склонил голову, приветствуя путника.

— Какой дерганый... — пробурчал незнакомец.

Он оказался полноватым человеком лет сорока, одетым в кожаную куртку. Своим демоническим зрением Энейер в полной темноте внимательно

рассмотрел его толстую фигуру, замечая мельчайшие детали: стоптанные подошвы сапог — признак того, что человек был в пути уже несколько недель, резкие движения, выдающие в нем опытного, хоть и старого воина, легкий короткий меч, болтающийся на ремне...

Путник откашлялся и повторил:

— Я говорю, огоньку не найдется?

— Держи, — коротко ответил Энейер и бросил незнакомцу кремень.

Тот ловко поймал его, несколькими умелыми ударами высек искру, подпаливая трубку, которая тут же оказалась у него во рту. Догадка Энейера подтвердилась — человек был воином, причем хорошим.

Свет тлеющего табака в трубке осветил его. Энейер уже разглядел немолодое лицо с кое-где поседевшей бородой и усталым карими глазами, но свет открыл некоторые детали, незаметные в темноте даже камбиону: неглубокие шрамы, пересекающие лицо и сливающиеся с паутиной морщин, залегших вокруг глаз — похоже, этот человек часто и много смеялся.

— Ближе подойти не хочешь? — спросил после долгой паузы человек, пытавшийся в темноте рассмотреть Энейера.

— Нет, — коротко ответил Энейер и после небольшой паузы добавил.
— Я не уверен, что ты не выпустишь мне кишки при первой возможности.

Человек улыбнулся и вытащил меч, ловко держа его на вытянутой руке острием к земле. Постояв так некоторое время, он положил клинок на землю.

— Доволен? — осведомился незнакомец.

— Нет, у тебя еще кинжал в рукаве.

— Это уж только после тебя...

Энейер пожал плечами и положил рядом с мечом незнакомца свою саблю. Воин только уважительно поднял брови при виде отличного оружия,

для мастерского обращения с которым требовались годы упорных тренировок, и бросил на землю свой кинжал.

— Теперь можем спокойно поговорить? — нетерпеливо спросил незнакомец, кусая зубами мундштук трубки.

— Теперь можем, — спокойно ответил Энейер и подошел ближе.

Но лица, скрытого, капюшоном человек-воин не мог видеть, но на темно-красные ноги тут же обратил внимание, застыв в напряженной позе.

— Испугался? — спросил Энейер, не поднимая головы.

— Просто подумал, может, зря я с мечом так быстро расстался...

— Не волнуйся, ты забыл про второй кинжал — он у тебя в левом рукаве, — успокоил его Энейер.

Незнакомец некоторое время рассматривал Энейера со смесью страха и уважения, потом вдруг отрывисто расхохотался. Смех получился скрипучий и неестественный, и он быстро прикрыл его кашлем.

— А ты — большой шутник, — натянуто улыбаясь, заметил незнакомец. — Я Грегор, Большой Грегор из Врат Балдура. Может, слышал обо мне?

— Не приходилось, — покачал головой Энейер. — но и ты обо мне навряд ли слышал. Я Энейер, просто Энейер из Ласкана.

— Имя у тебя вроде эльфийское, но сам-то ты точно не эльф, — задумчиво проговорил Грегор, рассматривая Энейера.

Внезапно глаза его расширились от страха и изумления, а в руке появился кинжал, молнией выскочивший из широкого рукава куртки.

— Камбион! — выдохнул воин.

Энейер отскочил назад, уворачиваясь от выпада противника. Ловко зацепив ногой рукоять своей сабли, он взмахом ноги подбросил ее вверх, перехватывая ее руками. Грегор также успел поднять свой меч.

— Успокойся! — крикнул камбион, застыв в боевой стойке с мечом, поднятым на уровне глаз. — Я не причиню тебе зла!

— Черта с два! — крикнул в ответ Грегор и пошел на Энейера, ловко размахивая своим оружием.

Камбион отразил несколько выпадов противника, легко уходя от сверкающего перед ним лезвия короткого меча. Уже скоро стало ясно, что он переоценил своего противника. Грегор быстро уставал и делал слишком длинные выпады, каждый раз открываясь. Энейер мог прикончить его в любую минуту, но продолжал ускользать от ударов, выматывая противника.

— Остановись! — крикнул Энейер, отражая очередной удар Грегора. — Я ведь могу сейчас убить тебя...

Тут он подскочил к не успевшему восстановить равновесие Грегору и приставил к его горлу клинок.

— Отлично, — прохрипел тот, расширившимися глазами уставившись на саблю. — Я слушаю...

— Я не собираюсь тебя убивать, — быстро проговорил Энейер. — Да, я камбион, но я не кровожадная тварь, убивающая все на своем пути. Я знаю, что тут говорят о камбионах, и многое из этого правда, но тебя я убивать не собираюсь. Понятно?!

— Понятно... — выдохнул тот и бросил на землю короткий меч.

Энейер удовлетворенно отступил, пряча в ножны свою саблю.

— Какого черта ты накинулся на меня? — спросил он.

Грегор, тяжело дыша, опустился на камень, на котором до этого сидел Энейер.

— Сам говоришь — много чего о камбионах говорят, — хрипло пробормотал человек. — Да и не только о них... эй, ты куда?

— Нечего мне тут задерживаться, — Энейер пожал плечами, стоя на опушке леса. — Вижу, что мне лучше избегать путешествий по дороге. Может, еще свидимся, Грегор из Врат Балдура. Кстати, куда ты направляешься?

— В Восточную Гавань, — ответил Грегор, постепенно приходя в себя. Во всяком случае, дыхание у него уже восстановилось. — Говорят, там дешевая рыба и пиво.

— Говорят... люди много чего говорят, знаешь ли...

— Прощай, Энейер из Ласкана, удачной тебе дороги. Что-то мне подсказывает, что мы действительно еще увидимся.

— Возможно... Кремень мой верни, — попросил Энейер.

Грегор молча достал из кармана два белых камня, перевязанные куском кожи, и бросил их камбиону. Тот поймал их на лету и растворился во тьме, окутывающей спящий лес.

Грегор долго сидел на камне, медленно успокаивая дыхание после тяжелого боя, потом поднялся и пошел по дороге, но не в сторону Восточной Гавани, а в противоположную — в сторону Ласкана.

***

Энейер брел по лесу, не сбавляя шага, как будто под ногами у него была протоптанная дорога, а не мешанина из колючек, сломанных веток, крапивы и папоротника. На тренировках в Ордене ему приходилось босиком стоять на углях и ходить по осколкам стекла и стальным лезвиям мечей — ходьба по лесу была для камбиона приятной прогулкой.

...Шипящая на огне оленина пахла замечательно. Скрестив ноги, Энейер уселся рядом с костром, помешивая палкой угли.

Светало. Лес просыпался: было слышно пение птиц, где-то вдалеке трижды прокричал петух — значит, неподалеку есть людское жилье.

В этот раз Энейер решил соблюдать осторожность и надел ботинки, которые он носил с собой на случай сильных холодов. В конце концов он все еще был на Севере, а здесь бывали морозы, превращающие людей в ледяные статуи.

Поев и отдохнув, Энейер дошел до опушки леса и увидел небольшую деревушку, в которой, однако, присутствовал трактир: большое двухэтажное здание с зарешеченными окнами. Просто ради любопытства Энейер решил зайти в это непритязательное на вид заведение.

***

Толкнув тяжелую дубовую дверь, камбион поправил капюшон, слишком спадавший на глаза, и вошел в прокуренное помещение, заполненное запахами и звуками. Трактир выглядел так же, как и десятки ранее виденных им подобного рода заведений — единственным отличием было то, что он находился не в городе, и большинство клиентов были крестьяне, а не горожане. Пара таких толстобрюхих увальней как раз развалились у стойки, о чем-то оживленно болтая. При виде Энейера они замолкли и, раздув ноздри, начали присматриваться к нему с недоверием и опаской. Подойдя к стойке, Энейер встал рядом с ними, игнорируя их хмурые взгляды, и подозвал трактирщика — вина выпить хотелось неимоверно.

— Чего вам угодно? — спросил трактирщик в меру почтительно, но в его голосе проскочило недовольство. Похоже, незнакомцев не слишком жаловали в маленьких деревнях.

— Вина, пожалуйста, — попросил Энейер, стараясь, чтобы его голос звучал учтиво и спокойно.

— Вина нет, только пиво! — пробурчал трактирщик. — Кружка — три медяка.

— Нет, спасибо. — Энейер никогда не любил пиво, тем не менее пить хотелось сильно. — Дайте воды.

— Воду пей из канавы! — прорычал трактирщик, ударяя кулаком по стойке. — Шляетесь тут, городское отребье, вино им подавай! Пиво, видите ли, ваше благородие не устраивает...

Трое крестьян, мерзко ухмыляясь, наблюдали за происходящим, готовые в любой момент прийти на помощь трактирщику, причем как морально, так и физически. Именно так обычно и начинались всякие глупые драки в трактирах, от которых пользы никому, кроме всегда готовых подраться дураков, не было.

Решив не нарываться на неприятности, Энейер развернулся и направился к выходу из трактира. Внезапно он услышал свист летящей кружки и, не останавливаясь, увернулся от нее, склонив набок голову. Увидев такое, любой нормальный человек застыл бы на месте и изумленно провожал бы незнакомца взглядом. Но пьяные крестьяне нормальными людьми не были и избытком сообразительности не обладали, поэтому еще двое трудяг, до этого сидевших за небольшим столиком, поднялись и заслонили дверь.

— У нас здесь не принято уходить, ничего не купив, — сказал высокий белобрысый человек, разминая огромные мускулистые руки.

Второй, поменьше и наглее, пропищал:

— Тут тебе трактир, а не проходная.

— Вы правы, — Энейер пожал плечами и кинул трактирщику горсть медяков, сверкнувшую в свете факелов и свечей яркими отблесками. — Поставьте этим парням выпивку за мой счет.

Холопы явно растерялись, не зная, как поступить. Энейер спокойно наблюдал за их туповатыми физиономиями и совсем не удивился, когда снова услышал противный визг маленького наглеца.

— Трус городской! — сплюнул коротышка и адресовал Энейеру непристойный жест. — Что, уже обделался?!

— Отойди с дороги, — спокойно сказал Энейер, стоя перед карликом и его дружкой-громилой, который был вдвое шире Энейера и раза в полтора жирнее.

— Сволочь, думаешь, раз богатый, значит, лучше других?! — коротышка нес совершеннейшую бессмыслицу, скорее всего, от изумления, вызванного нежеланием незнакомца реагировать на оскорбления, способные привести в ярость других туповатых крестьян.

Энейер усмехнулся, что было ошибкой. Крепкий кулак коротышки врезался в его щеку, прикрытую капюшоном, голова Энейера качнулась в сторону...

В висках застучала кровь. Его охватила жгучая ярость, искоренить которую камбион пытался всю жизнь.

«Этот ублюдок посмел ударить Меня!»

Дрожа от ярости, Энейер схватил визжащего недомерка, поднял его над головой и одним мощным движением сломал ему обе руки.

В зале повисла тишина, через секунду взорвавшаяся воплями и криками. Опомнившийся громила занес для удара огромный кулак, целя Энейеру в голову. Камбион уклонился, ребром ладони ломая нападающему ребра. Сзади слышались приглушенные крики, Энейер понял, что пора

уходить и развернулся к открытой двери — на пороге стояли самое меньшее десяток крестьян, каждый из которых держал в руках оружие. Капюшон Энейера упал на спину во время драки, и люди со смесью ужаса и ненависти уставились на его темно-красное лицо с торчащими из-за заостренных ушей закрученными вверх серебристыми рогами.

— Окружай его, парни! — прокричал морщинистый крестьянин, скорее всего, староста, направив в горло Энейера острые вилы.

— Не нужно, — устало проговорил камбион. — Я сдаюсь. Не надо больше крови...

Изумрудный лист — падает

...При слове «камбион» холодные глаза старика, до этого равнодушные и спокойные, сощурились в две поблескивающие металлом щели. Он втянул в себя воздух и остановил говорящего резким, повелительным жестом.

— Простите, что перебиваю, — сказал он пугающе мягким голосом. — Вы сказали камбион?

— Ну да... — Грегор из Врат Балдура беспокойно заерзал на стуле под взглядом холодных глаз старика, хранящих в себе всю боль и все равнодушие мира. — Он так и сказал, мол, да, я камбион, но не из тех, что горло перегрызают каждому встречному... так я ему и поверил!

— Так... — старик забарабанил тонкими худыми пальцами по подлокотнику кресла. — Значит, Энейер из Ласкана?

— Э-э-э... точно, так он и представился, — глупо улыбнулся Грегор. — Я еще решил тогда, значит, если он из Ласкана, то здешние Арфисты точно что-то о нем знают. Но, сами понимаете, *вас* я здесь застать не ожидал...

Старик вздохнул и уставился в высокий потолок. Резиденция Арфистов в Ласкане находилась в здании старого храма, реставрация которого еще не была завершена. На потолке была выложена огромная мозаика, изображающая забытую баталию, заплесневелая и кое-где осыпавшаяся, она ныне представляла собой жалкое зрелище.

— Не слушайте его, Великий! — воскликнула женщина-арфист. Она стояла возле кресла старика, скрестив на груди тонкие руки. — Ведь ясно как день — этот глупец забивает вам голову своими баснями в надежде на то, что мы вознаградим его...

— Брось эти официальный тон, Нейере. — Устало проговорил старик. — Я устал быть Великим. Устал быть Господином и Магистром, у меня, между прочим, есть имя, и оно мне все еще нравится.

— Да... — Нейере сглотнула, побледнев, как будто боясь накликать на себя беду, произнося имя одного из величайших чародеев, когда-либо ступавших по земле Фэйруна. — Элминстер.

— Итак, Энейер из Ласкана, или Энейер сBloшиного Рынка, как его правильнее будет называть, — чуть улыбнулся Элминстер, приподняв кустистую белую бровь. — Ты утверждаешь, что именно он напал на тебя по дороге в Брэмен?

— Д-да, он напал и ограбил меня! — запинаясь, сказал Грегор. — Отобрал мой волшебный кинжал и две сотни золотом! А сначала уговорил меня убрать оружие, усыпив мою бдительность рассказами о собственной святости и гуманизме!

— И ты ему поверил?.. — спокойно продолжил Элминстер.

— Он заговорил меня, этот демон! Его голос околдовал меня! — Грегор понял, что заговаривается, и гневно ударил рукой по столу. — Черт

подери, ни один из живущих ныне не может заставить Большого Грегора из Врат Балдура добровольно расстаться со своим оружием!

Элминстер чуть пошевелил пальцами, и из многочисленных карманов и ножен, спрятанных в одежде Грегора, на пол высыпалось несколько клинков самых разных мастей. Последний из них — короткий кинжал — коснулся каменного пола с противным вибрирующим звоном, долго стихавшим в наступившей тишине.

— Никто, кроме великого Элминстера! — жалко улыбаясь, пролепетал Грегор.

Элминстер позволил ему поднять свое оружие. Нейере давилась смехом вместе с несколькими арфистами-стражами, стоящими у стен и дверей.

— Обокрал, значит... — задумчиво повторил Элминстер, и было в его голосе что-то, отчего Нейере вздрогнула. — Надо же! Какая неприятность... и ты решил, что Арфисты помогут тебе вернуть украденное добро?

— Нет, конечно, — быстро возразил воин. — Но вы ведь стремитесь поддерживать во всем баланс, вот я, и решил, что бродячий камбион этот баланс нарушает, причем существенно. Я слышал, вы охотитесь на таких тварей, и решил вам о нем сообщить.

— Он прав, господин, — вмешалась Нейере. — Энейер опасен не тем, что он камбион, а тем, что он вмешивается в исходный баланс сил, изменяя его. Вспомните хотя бы Орден Сияющего Пламени — кто знал об этой жалкой группе магов двадцать лет назад? Сейчас же они богаты и знамениты...

— Все это верно лишь отчасти, Нейере, — Элминстер вздохнул. — Я помню Энейера еще мальчишкой, прячущимся в канавах Блошиного Рынка. Жизнь обошлась с ним сурово, гораздо хуже, чем с большинством из нас, и

его теперешнее поведение — далеко не худший вариант. Боюсь, что его убийство — плохой пример для остального мира. Что станет со следующим камбионом, тифлингом или даже простым полу-эльфом, когда его действия будут неправильно расценены глупыми и невежественными людьми?

— Я не говорю об убийстве, господин, — тихо проговорила Нейере. — Возможно, нам удастся изолировать его и... как знать, быть может, из Энейера выйдет отличный Арфист?

— Ты строишь далекие и, к сожалению, несбыточные планы, Нейере, — Элминстер с сожалением покачал головой, отмечая такое решение проблемы. — Нет, из него уже не выйдет Арфист... Здесь мы опоздали на целые двадцать лет, или всего на двадцать лет, это уж как посмотреть.

— Очень жаль господин, обидно смотреть, как пропадает такой потенциал...

— Да, очень жаль, — Элминстер вытащил из кармана трубку.

***

— Мы будем ждать, — провозгласил он, раскуривая ее. — Ждать и сожалеть.

...Гнилой помидор ударился о плечо Энейера. Толпа, беснуясь и крича, столпилась у виселицы, окружив ее полукругом.

— Сейчас мы тебя подвесим! — прохрипел прыщавый, все еще вздрагивающий от боли в руках, хотя местный целитель излечил его еще несколько часов назад.

Энейер не обратил на его слова никакого внимания. Экзекуция затягивалась, похоже, крестьяне ждали какого-то знака свыше. Внезапно толпа расступилась, и рядом с Энейером на помост вышел человек в сине-

белых одеждах паладина. Он был уже немолод: черные волосы, поседевшие на затылке, были курчавы, что особенно хорошо было заметно благодаря короткой бороде. Усталые голубые глаза смотрели прямо и гордо, а руки, мозолистые и жилистые, знали рукоять меча так же хорошо, как широкие ладони крестьянина — рукоять плуга. Паладин остановился перед камбионом и задумчиво осмотрел его.

— Зачем вы меня позвали? — спросил паладин.

— Как так, зачем?! — удивился староста, тыча пальцем в Энейера. — Ты что ослеп, Эрик, это ж демон!

— Ну, положим не демон, а камбион, — поправил Эрик, рассматривая Энейера. — Камбион, понимаешь? Полу-демон, полу-эльф.

— Значит, еще паскудней! — сплюнул староста. — Знаем мы твоих эльфов, деды наши их вывели из этих лесов, твари они лесные и человечесье племя ненавидят люто...

— О вкусах не спорят, — желчно бросил паладин. — А если и демон, то что? Нет такого закона, по которому вешать можно из-за рогов или цвета кожи.

— Ты уж, Эрик, не обессудь, но давеча ты сам говорил, что ты паладин. Рыцарь, значит, и охота на демонов, драконов и прочую непотребность — твое ремесло... — недовольно пробурчал староста, глядя на паладина.

— Так оно и есть, староста, — гордо ответил паладин. — Но ты, как и многие другие до тебя, неправильно понимаешь мою роль в этом мире. Я защищаю закон и справедливость и борюсь со злом во всех его проявлениях, будь то демон или человек.

— Ага! Так вот этот демон и нарушил закон, начав драку в трактире!

— Драку начал не он, а Питт со своими дружками, — нахмурился паладин. — Не удивляйся, мне уже все доложили надежные люди.

— Он опасен! — пропищал прыщавый, тыча пальцем в Энейера. — Он мне обе руки сломал!

— Ну, так пусть оплатит услуги лекаря или отработает, — пожал плечами паладин. — Меня зачем было звать?

Энейер беспокойно зашевелил связанными руками, невольно проникаясь уважением ко всему паладинскому роду, хотя, надо признать, не все представители этой профессии были настолько рассудительны.

— Не хочешь помогать — не надо! — прокричал староста. — Сейчас мы этого демона повесим и без твоей помощи, но ежели он нас начнет огнем палить и головы откусывать — то ты в стороне не останешься и волей-неволей, но демона тебе убить придется, так-то!

— Тут ты неправ, староста, — медленно проговорил паладин и обнажил длинный, сверкающий позолотой меч. — Стоять и смотреть, как вы закон нарушаете и вешаете невиновного я не намерен. Отойди в сторону, и никто не пострадает!

— Меч поднял супротив нас, княжеских крепостных! — зарычал староста. — погоди, Эрик, пусть только князь об этом прознает, мигом лишишься своего рыцарского меча и герба!

— Плевать я хотел на тебя и на твоего князя! Отойди, я сказал!

— Ну и черт с тобой, прихвостень чертов... — прошипел староста и скрылся в бушующей толпе, бросив на прощанье. — На плахе свидимся!

Паладин подошел к Энейеру и развязал веревку.

— Где моя сабля? — первым делом спросил Энейер.

— Черт его знает. Спроси у этих... — кивнул он в сторону крестьян и вытащил из-за спины короткий меч с незнакомым Энейеру гербом светящегося сердца на рукояти. — Держи. Таким орудовать умеешь?

— Если понадобится, смогу драться и деревянным, — без преувеличений сообщил Энейер, ловко перекидывая меч из одной руки в другую. — Зачем ты мне помогаешь?

— Не могу смотреть, как эти дурни невинного убивают, — пробормотал Эрик. — Будем к лесу пробиваться. Только никого не убивать! Готов?

— Готов...

— Стража! Княжеская стража едет! — радостно подпрыгивая, прокричал староста. — Теперича мы повоюем! Дави их парни, лупи!

И действительно, по дороге, поднимая пыль, скакало несколько конных солдат в полном боевом обмундировании, вооруженных длинными копьями. Скорее всего, им кто-то донес о случившемся, причем давно, раз они успели доехать до деревни от самого княжеского поместья.

— Пошел! — выкрикнул паладин, замахиваясь своим длинным мечом. Энейер чуть кивнул и от всей души ударил ухмыляющегося прыщавого недомерка рукоятью меча по зубам.

***

...Княжеская охрана подросла в самый разгар драки, когда несколько крестьян уже лежали на земле, но первых трупов еще не появилось. Энейер хотел бежать в лес, но в последний момент передумал, зная, что суровый рыцарский кодекс запрещает паладину бежать от врага — а вооруженные

воины, в отличие от сброда крестьян, были действительно настоящими и опасными врагами.

Отбиваясь от напирających холопов и стараясь не калечить их сверх меры, паладин остановился, только когда острое копье уперлось в его грудь, готовое прорезать кожаные сине-белые одежды. Энейер остановился одновременно с ним, недоверчиво глядя на черно-красные мундиры княжеской охраны.

— Всем стоять! — прокричал начальник отряда, обводя толпу гневным взглядом. — Что еще за драки во владеньях великого князя? Кто зачинщик?!

— Драку начал этот «рыцарь», — староста, прячущийся за спинами крестьян, указал на Эрика. — Он покрывал демона, который до этого покалечил нескольких мирных крепостных в трактире...

— Ложь! — взревел Эрик. — Я не нарушал ни единого закона и даже наоборот, воспрепятствовал самосуду этих невежественных крестьян над камбионом, которого они называли «демоном»!

— Если вы невиновны, — медленно проговорил страж. — То должны поклясться в этом перед Великим Князем.

— Я согласен поклясться хоть перед самим господом Хельмом! — гордо провозгласил паладин. — Вези нас к своему князю, страж.

— Я поеду к великому князю, — согласился Энейер, равнодушно пожав плечами. — Все лучше, чем оставаться здесь и наслаждаться... гостеприимством местных жителей.

Эрик, пряча в ножны свой сверкающий меч, торжествующе взобрался на любезно предоставленного ему коня. На губах рыцаря заиграла улыбка победителя. Энейер, садясь рядом с другим всадником, был далеко не так уверен в победе, особенно после того, как услышал тихий шепот старосты: «Великий князь мудр — эти безбожники буду висеть еще до захода солнца!»

***

Князь Хендекнуд не был человеком большого ума или высокой морали. На все вопросы у него был неизменный и зачастую действовавший ответ — мешок с золотом. Собственно говоря, и князем-то он именовался скорее поэтому, нежели из-за родства с каким-то давно забытым монархом. На диком Севере князем мог именовать себя всякий, кто жил в доме больше свинарника и имел хотя бы десяток бандитов в «дружине». В Амне встречались нищие богаче здешних князей, а на прием в доме южного лорда местных князьков не пустили бы только из-за одного дурного запаха, который источали их немывые ноги.

В отличие от большинства окрестных «князей» (коих вилланы именовали господами, феодалами, лордами и прочими эпитетами, соответствующими скорее тщеславию господина, нежели его реальному социальному положению), Хендекнуд обожал роскошь, поэтому и слыл в округе большим скрягой и «не нашим человеком».

Хендекнуд никогда не устраивал пышных приемов с льющимися реками пивом, какие обожали богачи, он вообще не устраивал приемов, вместо этого он покупал драгоценности, много драгоценностей, и навешивал их на один-единственный в доме предмет — себя, любимого.

В данный момент лицо Великого Князя было напряжено из-за непомерных умственных усилий, коими он был занят последние тридцать минут, с того момента, как двери его княжеского дома открылись, и стража ввела двух подозрительных субъектов, обвиняемых в бесчинствах. Всего через пару минут за ними прибыл некий Келегрон, народный обвинитель и староста одной из его, княжеских, деревень, в сопровождении прыщавого

типа отвратительного вида, который добавил к обвинению также разбой и попытку убийства.

— Скажи мне еще раз, староста Келегрон... — князь повел жирной рукой и уставился на темно-красного камбиона и его друга паладина — немолодого человека с курчавой бородой. — В чем обвиняются эти... люди?

— Они напали на наше село, калечили и убивали крестьян, затевали драки...

— Как ты смеешь! — проревел паладин.

Камбион даже не моргнул, но что-то в его холодных золотых глазах подсказывало князю, что полу-демон готов был убить всех в этом зале прямо сейчас, как только представится такая возможность.

— Мы никого не убивали, ваше высочество, — начал объяснять Эрик. — Я прибыл в их идиотскую деревню неделю назад и по просьбе старосты избавил окрестные леса от банды гоблинов... Потом случилось это небольшое недоразумение и я решил защитить гостя ваших владений.

— А ты, «гость», — Хендекнуд посмотрел на камбиона. — Что можешь сказать в свое оправдание?

— Ничего, — ответил Энейер, пронзив Великого Князя ледяным взглядом.

— Что значит ничего? Ты признаешь свою вину? Впрочем, глядя на тебя, я начинаю понимать, что любая твоя ложь лишь подчеркнет праведность слов моих подданных.

Энейер медленно поднял взгляд и посмотрел Хендекнуду в глаза. Он уже давно понял, что не следовало полагаться на мудрость князя и его суд.

— Я не собираюсь ничего признавать или отрицать перед сбродом вшивых крестьян и их жирных хозяев, отлавливающих в сене тараканов, — процедил Энейер, медленно выговаривая каждое слово.

— Отлично сказано! — поддержал его Эрик, разминая кулаки.

— Да как ты... как ты смеешь!!! — проревел Хендекнуд. — Взять их! В яму!

Стражи метнулись к наглой парочке, сжимая в руках алебарды... и тут же разлетелись в стороны, пораженные ударами кулаков двоих воинов. Паладин, оказывается, отлично дрался на кулаках и не соблюдал никаких правил. Впрочем, безоружным он оставался недолго: перехватив запястья капитана стражи, он ловко скрутил ему руки и вытащил из-за пояса противника отобранные стражей длинный светящийся меч и короткий клинок с эмблемой сияющего сердца, который он тут же бросил Энейеру. Тот перехватил короткий меч и, не останавливаясь, ударил ногой старосту Келегорна, с удовольствием чувствуя, как ломаются кости старика. Прыщавый издал нечто среднее между стоном и яростным воплем и бросился на Энейера со ржавым кинжалом в руках. Краем глаза камбион увидел, как паладин ловким выпадом ранил одного из дружинников — пролилась кровь, а значит, драка началась серьезная. Прыщавый схватился руками за пробитую грудь — он так и не понял, когда камбион нанес удар. Следующим, что он увидел, был блик на лезвии короткого меча. Голова Прыщавого отлетела в сторону, забрызгав Энейера кровью.

Краем глаза камбион заметил, как Эрика скрутили сразу четверо дружинников, посыпались неумелые удары кулаками и ногами, паладин упал на землю и выронил меч.

Энейер бросился ему на помощь, но путь ему загородил еще один стражник. Короткий меч описал в воздухе круг, оставив на груди верзилы неглубокий, но ощутимый порез. Оттолкнув в сторону раненого врага, Энейер взбежал на возвышение, где стоял трон Хендекнуда, заноса меч для удара, но внезапно кто-то перехватил его руку. Энейер оттолкнул стражника

в сторону, развернулся и дал ему кулаком в лицо — промахнулся, откатился в сторону.

Со всех сторон посыпались удары, Энейер уклонялся и отбивался, но уже от первых ударов в ушах разлился звон. Камбион потерял равновесие, перед глазами пронеслись квадратные плиты грязного пола, и все погрузилось в темноту.

Мечты, изодранные в клочья

Купол дворца правителя Ласкана играл на солнце золотыми бликами, так и норовя перекинуть веселые солнечные зайчики со своей полированной поверхности на клинки спрятавшихся в тени убийц. Энейер еще сильнее прижался к стене, чувствуя каждый острый край неровно подогнанных мраморных плит. Напарник камбиона последовал его примеру, правда, получилось у него это гораздо менее уверенно.

Мимо пробежали несколько наемников, потрясая короткими мечами: уличные бои в Ласкане не утихали уже несколько недель, затрудняя своим упорядоченным хаосом существование простых граждан.

Энейер подал своему напарнику сигнал, чуть пошевелив пальцами. Цель приближалась.

В сопровождении двух охранников по улице вышагивал маг в черно-белых одеждах. Его совершенно не смущали наемники, снующие по улицам Ласкана. Улицам, покрытым трупами и грязью. Маг чувствовал себя хозяином этого города — напрасно. Краем глаза Энейер заметил, как его напарник взводит арбалет, прицеливается... Время остановилось для Энейера в тот момент, когда убийца спустил арбалетный болт прямо в голову мага с расстояния меньше чем десять метров — слишком рано, черт его подери!

Маг среагировал мгновенно: кованый болт отскочил, высекая искры из внезапно возникшего в воздухе защитного заклятья, полукругом окружившего мага. Колдун развернулся — и огненные стрелы, освещая улицу своим бледным сиянием, сшибли неудачливого убийцу с крыши заброшенного особняка, на которой он прятался от неверных лучей восходящего солнца.

Энейер бросился вперед, не давая магу времени для создания нового заклинания. Кривая сабля описала в воздухе петлю, минуя неполное, созданное в спешке защитное поле, коснувшись его края — искры от этого столкновения на мгновение ослепили Энейера — сабля продолжала двигаться, безошибочно находя цель.

Маг вскрикнул и упал на мостовую, заливая ее кровью. Не в силах больше произносить заклинания, он попытался отползти, но Энейер прервал его жалкие попытки убежать коротким взмахом изогнутого клинка.

Внезапная боль в плече заставила камбиона отскочить в сторону. Он оглянулся, чувствуя, как кровь пропитывает рукав просторной кожаной куртки. Телохранители мага, опомнившись, наступали на воина-кенсаи. Энейер откатился в сторону: с охраной мага драться ему было необязательно, главное — колдун, нужно было позаботиться, чтобы его не воскресили с помощью магии.

Уворачиваясь от вражеских мечей, Энейер подскочил к телу мага, на ходу срубая ему голову мощным ударом сабли. Кувыркнувшись, камбион подхватил отсеченную голову за пышную шевелюру каштановых волос, чувствуя на руках кровь — его собственную и мертвого мага. В последний раз скрещивая мечи с озверевшими охранниками, кенсаи взлетел по стене, касаясь ее босыми ногами и пальцами левой руки, одновременно сжимавшей отрубленную голову.

Телохранители изумленно посмотрели наверх, где на фоне восходящего солнца темный силуэт камбиона склонился над мертвым напарником. К сожалению, одна из огненных стрел угодила тому в голову. Камбион перекинул через плечо арбалет с магическими стрелами и, бросив прощальный взгляд на залитую кровью улицу, где все еще нерешительно топтались охранники, спрыгнул вниз, во тьму...

***

Энейер попытался открыть глаза, но боль в голове снова бросила его в темный омут беспомощности. Перед глазами пронеслись давно забытые эпизоды его жизни, теперь казавшиеся странным, чужим сном.

***

— Отличная работа! — прокомментировал Арчивалд, мастер оружия Ордена Сияющего Пламени. — Да из него выйдет оружейный мастер, даю вам слово!

— Это... обнадеживает, — сказал архимаг Генеру, глядя, как молодой камбион одновременно фехтует с двумя противниками. — Приятно слышать это после того, как мы не обнаружили у него магических способностей. Одно время я вообще думал, что это никакой не камбион...

Генеру замолчал в тот момент, когда Энейер отскочил от стены, перелетая через весь спарринг-зал, и одновременно нанося удары по

опешившим противникам. Приземлившись на одно колено, он откатился в сторону и вскочил, молниеносно отражая удары.

— Вы говорите, из него получится хороший воин? — спросил архимаг, зачарованно наблюдая за игрой света на кривой сабле, которой камбион дрался с устрашающей яростью и силой.

— Не просто воин, — покачал головой Арчивалд. — Мастер оружия. Кенсаи. Я с завтрашнего дня начинаю тренировку.

— Кенсаи? — недоверчиво спросил архимаг. — По-вашему, это хорошая идея — учить камбиона пути *кй*?

— Думаю, да, — кивнул Арчивалд. — *Кй* поможет ему справиться с жаждой крови и разрушения...

Словно в подтверждение слов мастера оружия Энейер резким ударом сабли нанес запрещенный на тренировке удар, ранив своего противника в руку. Парень бросил меч и упал на пол, крича от боли. Молодой камбион, поднимая саблю, собрался прикончить противника, и второй фехтовальщик попятился в сторону, с ужасом глядя на ярость в глазах полу-демона.

— Вы правы, Арчивалд, — сказал Генеру, и после секундного раздумья выбил воздушным ударом саблю из рук Энейера. — Он совершенно не умеет себя контролировать...

Камбион развернулся, с ненавистью глядя на обезоружившего его архимага, пригнулся и прыгнул, пытаясь дотянуться руками до горла старика. Генеру спокойно повел рукой, и Энейер упал на землю, дико крича — его руки покрылись толстым слоем льда.

Архимаг снова повернулся к Арчивалду и медленно проговорил:

— Начинайте тренировку кенсаи: мне нужен воин, а не безумный убийца.

***

...Звон цепей вывел Энейера из бессознательного состояния, в котором он находился. Голова болела, как будто кто-то разломал ее, а потом неумело склеил; руки и ноги все были в синяках, ему повезло, что обошлось без переломов. Энейер открыл глаза — темнота. Благодаря своему демоническому зрению он увидел кроваво-красную ауру сидящего у противоположной стены человека.

— Эрик? — неуверенно спросил Энейер.

— Он самый, — паладин сплюнул кровью. — Проклятье, мы ведь почти победили...

— У этого князя оказалось больше стражей, чем я предполагал, — Энейер пошевелил руками, цепи зазвенели, туго натянувшись. — Извини, что впутал тебя в эту историю, не нужно было мне хамить этому жирному борову Хендекнуду.

— Ничего... уверен, что добром встреча с ним не кончилась бы в любом случае...

Энейер поднял голову. В потолке на высоте пяти, может, восьми метров сияло окошко, периодически заслоняемое чьим-то силуэтом, скорее всего, стражника. В темноте слышен был только писк крыс и капанье воды.

— Где это мы? — спросил Энейер, недоуменно принохиваясь — воздух был влажным и затхлым одновременно.

— Это? — Эрик стукнул ботинком о стену, выложенную крупными каменными плитами. — Старый колодец, который Хендекнуд приспособил для содержания преступников.

— Что теперь с нами будет? — Энейер постарался, чтобы его голос звучал безразлично.

— Хм... — Эрик задумался. — Все зависит от того, насколько глуп наш «Великий Князь». Самое глупое, что он может сделать — это отрубить нам головы, и тогда на него падет гнев Ордена Сияющего Сердца, членом которого я являюсь... Кстати, ты принадлежишь к какой-нибудь организации?

— Я страж Сияющего Пламени.

— Отлично. Так вот, если этот жирный боров отрубит нам головы, наши друзья сожрут его с потрохами. Дальше. У него может хватить ума просто «забыть» нас здесь, тогда самое страшное, что с нами может случиться — это месяц или два в подземелье, пока наши друзья сюда будут добираться. Если месяц в подземелье — это самое страшное, что со мной может случиться, то я очень везучий человек.

— А где этот Орден Сияющего Сердца? — спросил Энейер.

— В Амне. А твой?

— Рядом, в Ласкане.

— Ну что ж, тогда мы даже месяц здесь не просидим...

Энейер пожал плечами, цепи зазвенели, перестукивая в темноте железными кольцами. Вдруг светлое окошко в потолке закрыл чей-то силуэт, послышался скрип, и потолок открылся, раздвигаясь как дверь — кто-то открыл колодец. По вделанным в стену ступеням осторожно спустился человек, Энейер разглядел, что на нем была одежда княжеского дружинника. Стражник, хлюпая ботинками по влажному полу, открыл замки, освобождая руки Энейера и Эрика.

— Пошли, — грубо сказал он и полез назад по лестнице.

Энейер и Эрик переглянулись и последовали за ним: все же это было лучше, чем сидеть в сырости и темноте.

Энейер выбрался из колодца, жадно вдыхая свежий воздух. Белые облака медленно ползли по небу.

— Куда нас ведут? — спросил Эрик у стража.

— Приехал судья из столицы. Вас будут судить городским судом, а тебя, — он ткнул Эрика в грудь алебардой. — Еще и рыцарским.

Энейер увидел, как при этих словах паладин побледнел и резко вздохнул.

— Что случилось? — спросил Энейер у паладина.

— Нас будут судить по закону Невервинтера, — пояснил Эрик и попытался улыбнуться. — Все в порядке, ты убил только одного крепостного — отделаешься штрафом. Меня за мои предыдущие заслуги, скорее всего, вообще оправдают...

— Что-то ты не слишком в этом уверен.

— Верно, посланец Ордена в Невервинтере — не лучший из моих друзей.

— Ты хочешь сказать, вы враги?

— Да, к тому же очень старые...

Эрик выглядел усталым и подавленным. Энейер привык видеть обычных людей в таком состоянии, но ему еще не встречался упавший духом паладин — дело, похоже, было очень серьезное.

Их провели назад в особняк великого князя и усадили на скамейку, которую перенесли в главный зал со двора. Следы крови оттерли с пола, и о произошедшей здесь вчера драке можно было судить только по царапинам и выбоинам на полу и стенах.

Князь Хендекнуд сидел на троне, задумчиво теребя бороду жирной рукой, а рядом с ним стоял окружной судья, прибывший из Невервинтера. Это был худой маленький человек лет пятидесяти с седым венчиком

коротких волос вокруг блестящей лысой головы, на носу у него висели крохотные очки в золотой оправе. В противоположной стороне зала, прислонившись к стене, стоял представитель Ордена Сияющего Сердца, одетый в красные одежды по моде Амна. Его сухое длинное лицо не выдавало никаких эмоций — глядя на него, можно было подумать, что это статуя, если бы человек периодически не шевелил длинными черными усами.

Увидев Эрика, представитель Ордена недовольно фыркнул и, отойдя от стены, встал рядом с окружным судьей.

— Садитесь, — приказал страж, для верности подтолкнув подсудимых алебардой в сторону скамьи.

Эрик пожал плечами и опустился на скамью — судя по отрешенному выражению его лица, он читал молитву. Энейер уселся рядом, но молитвы читать не стал.

— Это они? — спросил окружной судья, протирая очки носовым платком. Хендекнуд кивнул. — Итак, господин Эрик Делвир из Аскатлы, рыцарь Ордена Сияющего Сердца, и господин Энейер из Ласкана, страж Ордена э-э... Сияющего пламени, вы обвиняетесь в разбое и убийстве крепостных лорда Хендекнуда...

— Князя Хендекнуда! — поправил великий князь.

— Как будет угодно, — пожал плечами судья. — Кроме того, Эрик Делвир обвиняется в нарушении рыцарской клятвы. Дела Ордена Сияющего Сердца представляет лорд Шарель, представитель Ордена в Невервинтере. Итак, мои сияющие друзья, есть ли у вас, что сказать в свое оправдание?

— Обвинение несправедливо, ваша честь, — провозгласил Эрик хорошо поставленным светским тоном. — А в отношении господина Энейера из Ласкана несправедливо вдвойне. Я же не нарушал рыцарской клятвы, а, наоборот, принял участие в этом деле, соблюдая долг рыцаря и защищая

законопослушного гостя владений лорда Хендекнуда, поданного Невервинтера...

Тут Хендекнуд нахмурился, как будто не желал признавать себя ничьим поданным.

— Объяснитесь, господин Делвир, — попросил судья.

— Я прибыл во владения князя Хендекнуда полторы недели назад и помог извести гоблинов в окрестных лесах, как и подобает рыцарю, — высокомерно провозгласил Эрик. — Я уже собирался покинуть эти гостеприимные края, когда жители деревни, в которой я остановился, попросили меня участвовать в расправе над «демоном».

— Насколько я понимаю, демоном оказался господин Энейер? — спросил судья, пристально рассматривая камбиона.

— Да, ваша честь. Вернее, он оказался тем, кого слабоумные крестьяне приняли за демона. Как вы можете сами убедиться, господин Энейер — камбион, редкий гибрид эльфа и... существа из Нижних Планов.

— Вы хотите сказать, что он только наполовину демон? — спросил судья, задумчиво изогнув бровь.

— В общих чертах вы правы, господин судья, — Эрик судорожно сглотнул, теряя уверенность в себе. — Но нет такого закона, по которому можно судить человека за деяния предков. У некоторых варварских народов ненавидят и убивают всех гибридов и странных существ: полу-эльфов, полу-орков, тифлингов и ашимаров, но неужели же мы должны следовать их варварскому примеру?

— Ваш довод понятен, господин Делвир, — кивнул судья. — Итак, вы утверждаете, что воспрепятствовали самосуду?

— Да, ваша честь. Если бы не я, господина Энейера убили бы самым жестоким образом невежественные крестьяне, — Эрик сжал губы, очевидно,

боясь выйти из себя от переполнявшего его праведного гнева. — Более того, эти грязные холопы подняли руку на меня, паладина из знатного рода!

— Что же случилось дальше?

— Вовремя прибыли княжеские стражи и чудом остановили кровопролитье. Мы отправились с ними, чтобы исчерпать этот досадный инцидент перед лицом хозяина этих владений...

— И господин Энейер напал на княжескую охрану?

— Это наглое искажение фактов, господин судья, — проговорил Эрик, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. — Вместо принятого на Севере гостеприимства князь Хендекнуд потребовал, чтобы мы сдали оружие, и мне пришлось расстаться с фамильным мечом Делвиров и коротким мифрильным мечом — подарком моего Ордена. Более того, князь посмел, попирая законы Невервинтера, судить нас по собственному разумению, не дожидаясь прибытия окружного судьи и руководствуясь свидетельствами грязных крепостных. После такого наглого заявления господин Энейер выразил свое недовольство, а господин Хендекнуд, вместо того чтобы принять к сведению замечание, спустил на нас своих собак...

— Господин Энейер назвал князя хозяином вшивых крестьян, отлавливающим в сене тараканов? — задумчиво спросил судья.

— Я вполне могу понять гнев господина Энейера, вызванный неподобающим отношением князя к гостям своих владений!

— Ясно, — понимающе кивнул судья. — Суд выслушал вашу речь, и теперь настало время вынести приговор. Господин Энейер из Ласкана признается виновным в убийстве одного из крепостных князя. Каким бы праведным ни был его гнев, он обязан возместить ущерб в размере стоимости данного крепостного, это будет... три сотни золотых. Кроме того, господин Энейер обвиняется в нападении на княжескую дружину и оскорблении князя,

за что на него налагается штраф в размере восьми сотен золотых... — Энейер краем глаза заметил гнев Эрика, паладин сжал кулаки и прошептал: «Возмутительно!» (впрочем, прошептал он это не слишком громко).

— Если господин Энейер будет не в состоянии заплатить штраф, то он обязан будет отработать свою вину в каменоломнях вместе с остальными правонарушителями в течение года принудительных работ...

— Не волнуйся, мой Орден заплатит, обещаю, — прошептал Эрик.

Энейер только равнодушно пожал плечами: в конце концов, что такое год в каменоломнях по сравнению с вечностью блужданий во тьме и месяцами изнурительной подготовки кенсаи, едва не стоившей ему жизни?

— Господин Делвир, — продолжил судья. — Вы являетесь невиновным по законам Невервинтера, однако это не снимает с вас обвинения в нарушении рыцарской клятвы, поэтому я передаю ваше дело представителю Ордена Сияющего Сердца в Невервинтере, лорду Шарелю.

— Как представитель Ордена, — медленно проговорил Шарель, противно растягивая слова. — Я обвиняю паладина Эрика Делвира в потворстве преступнику и связях с демонами.

Энейер увидел, как побелел Эрик, как плотно сжались его челюсти. Камбиону показалось, что он даже услышал скрежет, с которым сомкнулись зубы.

— Господин Энейер был признан виновным в убийстве. Это именно убийство, мы — цивилизованные люди, и в отличие от здешних варваров не разделяем людей на вольных и крепостных. Я имею право объявить паладина Делвира виновным в потворстве преступлению. Наказанием за этот проступок является конфискация земель и другой собственности. Таким образом, Ордену отныне принадлежит семейное владение Делвиров, что в Амне, резиденция Делвиров в Аскатле и все фонды данного семейства,

фамильный меч и короткий мифрильный меч также будут конфискованы, — тут Шарель позволил себе легкую ухмылку. — Но и это еще не все. Я также признаю паладина Делвира виновным по обвинению в связях с демонами. Обычно казнь является наказанием за данное преступление, но так как господин Энейер является демоном лишь наполовину, я предлагаю промежуточный вариант наказания, а именно изгнание обвиняемого из Ордена без права восстановления рыцарского звания...

Лицо Эрика приобрело сходство с мраморной маской, его сомкнутые губы сделались синими, в глазах застыла ненависть и боль. Энейер понимал это состояние, когда мечты и надежды изодраны в клочья и впереди зияет бездна, падение в которую будет продолжаться вечно. Какую-то долю секунду Эрик был готов броситься на Шареля и разорвать того голыми руками, но вот его плечи поникли, подчиняясь судьбе. Паладин бессильно откинулся на спинку скамьи.

— Ваше обвинение справедливо, лорд Шарель, — резюмировал судья. — И я придаю ему законность, как представитель Невервинтера. Отныне и навеки на Севере господин Эрик Делвир признается клятвopеступником и падшим паладином, изгнанным из Ордена за преступления.

— Кроме того, я прошу, от имени Ордена, разумеется, дабы искупить преступления падшего паладина направить его на каторгу сроком... в один год.

— Ваше прошение принято, лорд Шарель, — согласился судья. — Итак, господин Энейер, согласны ли вы заплатить штраф, или отправитесь на каторгу вместе с господином Эриком Делвиром и другими преступниками?

— У меня нет требуемой вами суммы, — произнес Энейер ледяным тоном. — Ваша каторга для меня — отдых после долго пути...

— Как пожелаете... — судья равнодушно поставил печать.

Энейер почувствовал, как на его плечо легла железная ладонь стражника. В последний раз он осмотрел зал и встретился глазами с Хендекнудом.

— А ты, «великий князь», запомни мое лицо... Это будет первое, что ты увидишь по прибытии в Ад.

Энейера потащили к выходу, но он упирался, продолжая буравить ледяным взглядом испуганное лицо Хендекнуда, пока перед ним не закрылась обитая металлом дверь.

Эрик упал на выложенный мраморными плитами пол и равнодушно устоялся в стену. Стражники рывком подняли его на ноги, надевая на руки тяжелые кандалы. Энейеру надели такие же, только с посеребренной цепью, чтобы он не мог использовать магические способности. Камбион только улыбнулся — он не собирался использовать магию, даже если бы и обладал даром колдуна. Стражник пихнул его в спину древком алебарды, и Энейер гордо пошел вперед — навстречу судьбе...

Город дверей

— А ведь я предупреждала, я говорила! — прокричала Нейеке, вбегая в маленькую уютную комнату, которую занял Элминстер, предпочтя ее шикарным покоем, в которых его хотели поселить арфисты.

Маг недовольно оторвал взгляд от древнего манускрипта, изучением которого он занимался, и мельком взглянул на запыхавшуюся Нейеке.

— И что же натворил ваш камбион на этот раз? — почти равнодушно спросил он.

— Откуда вы... — изумленно воскликнула Нейеке, но тут же опомнилась. — Его обвинили в убийстве и разбое, а вместе с ним пострадал

знатный паладин, Эрик Делвир. Мало того что его изгнали из ордена — всю собственность его семьи конфисковали. Баланс сил, которого так долго добивались наши агенты в Амне, разрушен!

Элминстер забарабанил пальцами по столу, и некоторое время просидел неподвижно, глядя, как за окном падает ранний снег.

— Неужели я ошибался?.. — прошептал он.

— Боюсь что так, господин... — Нейеке покорно склонила голову, но Элминстер заметил в ее глазах радость победы — она была права и теперь гордилась этим, ну что ж...

— Нейеке, совершенно ясно, что так дальше продолжаться не может. Посмотри, что он наделал, едва уйдя из-под опеки своего ордена... что дальше? Убийство герцогов Врат Балдура, поджог дворца правителя в Аскатле? Неужели я ошибся? Боги! Но ведь за мою ошибку жизнью заплатили люди! Совершенно ясно, что камбионы — порождения хаоса, недаром их часто принимают за низших танар'ри, — Элминстер глубоко вздохнул. — Я не могу позволить чудовищу разгуливать на свободе... найди его, Нейеке.

— Изолировать его?

— Ты можешь попытаться, но не рискуй жизнью, чтобы спасти это... существо. Если тебе что-нибудь будет угрожать — убей его, и, ради всего святого, сделай это так, чтобы никто и ничто не смогло вернуть эту тварь к жизни!

***

Пыль поднималась над каменоломнями плотным облаком, и работающим в огромной чашеобразной яме каторжникам было тяжело

рассмотреть что-либо на расстоянии больше метра. Невервинтерские каменоломни представляли собой настоящий ад на земле — проработавшие в них больше года люди либо умирали, либо слепли, вдыхая килограммы сухой, противно скрипящей на зубах пыли. Не помогали и рубашки без воротников с короткими рукавами, так, чтобы невозможно было прикрыть воротником нос.

Те, кто был поумнее, отрывали полоски тканей от одежды до тех пор, пока от нее не оставался грязный саронг — перевязь на бедрах, сделанная большей частью для защиты от песка. О таких понятиях, как стыд, нравственность и порядочность, здесь не принято было упоминать. Попавшие в каменоломни люди стремились или выбраться оттуда, или умереть поскорее, но Энейер чувствовал здесь себя как дома.

Упершись босыми ногами в гладкий склон, он с устрашающей силой работал киркой, с каждым разом все глубже вгоняя ее в неподатливый, крошащийся известняк. Рядом отупело работал Эрик Делвир, не уступая своему краснокожему товарищу в эффективности. На лице бывшего паладина не отражалось ровным счетом ничего — полное отсутствие эмоций. Энейер внимательно следил за своим другом, чтобы тот снова не стер руки в кровь, как это было в прошлый раз.

Шел второй месяц их пребывания на каторге. Энейер воспринимал ее как нечто само собой разумеющееся, работа была славной, тело приятно ныло от напряжения, пыль же для камбиона была незаметна — кровь демонов, несущихся на адских лошадях по пылающим равнинам Низших Планов, была его кровью. Делвир вообще не воспринимал происходящие вокруг него события: было похоже на то, что он потерял рассудок вместе с громким рыцарским званием; вся жизнь, все надежды и мечты паладина

были изломаны и уничтожены, втоптаны в пепел ногой его противника. Для гордого рыцаря это было окончательным поражением.

Хуже всего им пришлось в первый месяц, когда нужно было зарабатывать авторитет среди товарищей по бараку, подтверждая каждое свое слово ударом кулака. Энейер, привыкший к такой жизни, тут же показал клыки самым наглым соседям и предупредил, что возьмет на рога всякого, кто тронет его друга, которому, откровенно говоря, все происходящее было глубоко безразлично.

Однажды, проснувшись, Энейер обнаружил, что в плечо Эрика был вонзен самодельный нож. Падший паладин лежал в пропитавшейся кровью кровати, равнодушно глядя на рану. Тогда он едва не лишился руки: ее удалось спасти только благодаря тому, что один из заключенных в соседнем бараке оказался священником Ильматера, попавшим на каторгу, чтобы познать «всю суть страданий господина нашего». Но и на этом неприятности не кончились, однажды Эрик просто упал на землю и отказывался вставать, даже когда один из охранников исполосовал его плетью.

Тогда Энейеру окончательно это надоело и он, склонившись над израненным другом, прокричал тому прямо в ухо:

— Хочешь подышать — ложись и умри! Доставь удовольствие своему другу Шарелю! Давай, вперед, или я тебя лично придушу!

— Я доставлю... удовольствие... Шарелю, когда буду... вспаривать его... поганое... брюхо... — с трудом выговорил Эрик.

Это были первые слова, которые он произнес с того момента, когда лишился рыцарского звания. Падший паладин оттолкнул Энейера и поднялся на ноги, снова принявшись работать. После этого он снова заговорил: мало и отрешенно, но все-таки заговорил. Впрочем, переговоры во время работы на руднике у напарников в основном сводились к репликам «подержи кирку» и

«спасибо», а в пропахшем потом и грязью бараке изнеможенным каторжникам было не до разговоров.

...Камбион вытер со лба выступивший пот и снова поднял кирку, готовясь отколоть огромный булыжник.

— Энейер, — проговорил знакомый голос, и камбион остановился, опустив кирку на землю и внимательно прислушиваясь.

— Я здесь, Энейер, — проговорил знакомый голос, и из тумана выскользнула тонкая фигура. Энейер мгновенно узнал ее: Тейлен, мастер-шпион Ордена Сияющего Пламени. — Прости, что так долго добиралась сюда. На каменоломни не так легко попасть, как кажется...

— Кто это? — спросил Эрик, оторвавшись от работы. На секунду Энейеру показалось, что в его глазах проснулся интерес к жизни, но они тут же приобрели обреченное выражение.

— Это Тейлен, мой старый друг и мастер-шпион моего ордена, — представил девушку Энейер. Тейлен кивнула, тряхнув копной черных волос, заплетенных в узел на затылке. — А это мой друг Эрик Делвир, падший паладин.

— Не волнуйтесь насчет стражников, — сказала Тейлен, заметив, что Энейер вертит головой, напряженно вглядываясь в пыльный туман. — Двоих я усыпила, а третий будет на этом участке нескоро. Энейер, прости, что мы не вытащили тебя раньше и не прислали своего представителя на суд, чтобы он заплатил штраф. Орден узнал обо всем только две недели назад. Мне очень жаль, это я виновата, нужно было отправить больше агентов заниматься делами Ордена на Севере...

— Нечего извиняться, Тейлен, — прервал ее Энейер. — Это все моя ошибка, единственное чего я хочу — это вытащить отсюда человека, который пожертвовал всем, чтобы спасти меня...

— Я не нуждаюсь в чужой помощи! — гордо проговорил Эрик.

— Это не помощь — это малая часть моего долга, — нахмурившись, сообщил Энейер. — И не надо отрицать этого, ты спас мне жизнь, и я должен, обязан вернуть тебе имя, дом и рыцарское звание.

— А ты всегда чертовски щепетильно относишься к долгам, — присвистнула Тейлен и замолчала под ледяным взглядом золотых глаз камбиона. — Ладно, давайте ближе к делу. Орден послал меня, чтобы вытащить Энейера, но через тот выход, по которому он уйдет отсюда, могут уйти и двое. Если пожелают.

Она покопалась в висящей на поясе сумке и вытащила оттуда странный цветок.

— Роза пустыни, — пояснила Тейлен. — Такие растут только на юге, в великой пустоши...

— Не помню, чтобы мне когда-нибудь дарили цветы, — усмехнулся Энейер, беря в руки хрупкий цветок. Было просто поразительно, как он не измялся в сумке Тейлен. — Он что, магический и перенесет нас отсюда как «камень возврата»?

— Нет, цветок самый обычный, просто это ключ, — пояснила Тейлен, видя недоверие в глазах Энейера. — Ключ от портала, который находится прямо здесь, на каменоломне.

— И куда же ведет этот портал? — спросил Энейер.

— В Сигил, Город Дверей, — ответила Тейлен, очаровательно улыбнувшись. — Я уверена, тебе там понравится...

— А что, нельзя было просто вывести нас в безопасное место, не покидая Фэйрун?

— Не хотела тебе говорить, да и архимаг не велел, но, видимо, придется, — Тейлен глубоко вздохнула. — Тобой всерьез заинтересовались Арфисты.

— Ну и в чем меня обвиняют на этот раз? — Энейер улыбнулся, обнажив острые как бритва клыки.

— Не смешно, — отмахнулась Тейлен и посерьезнела. — Тебя обвиняют в нарушении баланса... три дня назад в Ласкан приезжала одна дамочка, которая назвалась Аллорой, то есть Ласточкой по староэльфийски. Конечно, это не ее настоящее имя, все агенты Арфистов используют настоящие имена только в общении с другими Арфистами. Так вот, она расспрашивала о тебе, утверждала, что приходится тебе сестрой, при этом даже не удосужилась замаскироваться под камбиона. По-моему, она была полу-эльфом, или тифлингом, — Тейлен пожала плечами. — К тому же от нее прямо-таки разило Арфистами, этой их загадочной аурой нейтралитета истины...

Тейлен закатила глаза, изображая на лице смертельную скуку. Глядя на нее, Эрик улыбнулся, впервые за два месяца.

— Меня прямо распирало уличить ее во лжи, но она, скорее всего, назвалась бы твоей сводной сестрой, или дочерью от второго брака...эти Арфисты считают нас полными идиотами.

— Ладно, Сигил так Сигил, — пожал плечами Энейер. — Кстати, у тебя нет ничего по части оружия? Я слышал, Город Дверей — не самое безопасное место.

— Тут все зависит от того, где вы появитесь, но ты прав, — Тейлен покопалась в сумке и достала оттуда два кинжала. — Лучшее, что у меня есть...

— Может, наконец, снимешь с нас эти кандалы? — с упреком проговорил Энейер, звеня перед лицом Тейлен цепями.

— Ох, совсем забыла, сейчас... — Тейлен вытащила из кармана ключ, освободила бывших каторжников от многочисленных цепей и отдала им кинжалы.

— Не самое любимое мое оружие, — пробурчал Эрик, неуверенно держа в руке узкий стилет.

— Кто к чему привык... — огрызнулась Тейлен, и, тут же смягчившись, бросила Энейеру мешок полный звенящих монет. — Купите себе оружие и одежду в Сигиле. Кинжалы потом мне отдашь, понял?

— Понял, понял...

— Ух, заговорила я с вами, а времени уже в обрез, стражники проснутся минут через десять! — воскликнула Тейлен. — Значит так, портал — это два скрещенных камня на востоке каменоломен, их трудно с чем-то перепутать, проход между ними достаточно широкий, чтобы могли пройти двое, возьметесь за руки... Как только прибудете в Сигил, идите в бар «Горящий труп» и сидите там, пока я, или кого там Орден пошлет, не приду за вами. Энейер, не умничай, ты в Сигиле никогда не был, а бродить там без проводника очень опасно... Ну, чего встали? Двигайте отсюда, пока стражники не проснулись!

Тейлен напоследок махнула рукой и скрылась в тумане.

— Что еще за Сигил? — спросил Эрик, явно недовольный преждевременно законченным разговором.

— Город Дверей, — коротко ответил Энейер, но, видя, что такой ответ явно не устраивает падшего паладина, объяснил. — Это место, где пересекается огромное количество порталов — дорог между мирами. Многие считают Сигил центром мироздания... лично я предпочитаю более понятную

метафору: паук на паутине. Все Планы, так или иначе, сходятся в Сигиле, добавляя к нему частичку Хаоса.

— Ты хочешь сказать, что Сигил — это первозданный Хаос?

— Вообще-то, сейчас я хочу сказать, что нам надо убираться отсюда, — быстро закрыл тему Энейер, направляясь на восток, или, во всяком случае, так ему казалось. Эрик последовал за ним, бурча что-то о непрактичности взглядов камбиона на происходящее.

— Вроде бы пришли... — сказал Энейер, глядя на два скрещенных камня, арка между которыми высотой превышала два метра. Рядом сидела пара каторжников, отдохавших на горе известняка. «Трудяги» явно расслабились из-за долгого отсутствия надсмотрщика, и потому не сразу заметили приближающегося Энейера.

Держа в руке цветок, камбион подошел к камню, осторожно ощупывая его шершавую поверхность.

— Наверное, мы должны пройти сквозь проход между камнями... — задумчиво проговорил Энейер.

— Так твоя подруга и сказала, — нетерпеливо пробурчал Эрик.

— Она довольно рассеянная особа и могла что-нибудь забыть...

— По-моему, ты говорил, что она ваш мастер-шпион!

— Я и сам этому не перестаю удивляться, — пожал плечами Энейер, не отвлекаясь от разглядывания камней. — Впрочем, нечему удивляться — у нее потрясающее везенье... ага, вот оно.

Он ткнул пальцем в наполовину стертую руну, еле заметную на камне.

— Здесь сказано что-то о приносящих молитву... не могу разобрать, может, ты попробуешь?

— Я в этом не разбираюсь, — покачал головой Эрик. — Может, нужно помолиться, перед тем как идти?

— Нет, здесь явно ловушка, — Энейер нахмурился и выставил клыки.
— Не может быть, чтобы действующий портал оставили посреди каторги.

— По-моему, он стоял здесь еще до того, как основали Невервинтер.

— Эти каменоломни гораздо старше Невервинтера, — возразил Энейер. — Им пятьсот лет, или около того, и все время здесь работали заключенные...

— Между прочим, стражники уже проснулись, — напомнил Эрик.

— Ладно, — вздохнул Энейер. — Возьми меня за руку. Теперь пошли, медленно...

Свод камня навис над головами. Энейер в последний момент заметил еще одну руну почти посредине прохода.

— На колени! — прокричал он и упал на землю, таща за собой Эрика.

Молния сверкнула у них над головами, опалив волосы, лицо обдало жаром настолько сильным, что даже Энейеру пришлось зажмуриться... Синяя вспышка! Энейер почувствовал, что лежит на каменных плитах, внезапно сменивших покрытую песком и обломками известняка землю каменоломен.

Энейер открыл глаза. Оказалось, что они лежали на мостовой, выложенной разноцветным камнем разных пород. Дорога уходила вдаль, насколько хватало глаз, а возле нее теснились совершенно непохожие друг на друга дома, совокупность которых не поддавалась описанию — такой хаос образовывали несовместимые цвета и архитектурные стили. По дороге и вдоль обочины ходили существа всех пород и мастей. Шум стоял неопиcуемый, как будто ревел растревоженный улей, а над головой...

Энейер сначала не поверил своим глазам: вместо привычного неба над головой гигантским куполом простиралось нечто, более всего напоминающее

огромную мозаику, испускавшую странное свечение, очевидно, служившее здесь заменителем солнечного света.

Чуть приглядевшись, он понял, что это были крыши зависших у них над головой домов, стоящих на уходящем ввысь пространстве. Энейер оглянулся: так и есть — весь город был невообразимо огромным кольцом, плотно застроенным зданиями, которые, несмотря на все законы физики, упрямо не хотели падать на землю, как и жители города, черными точками мелькавшие в вышине. Камбион покачал головой от изумления.

— Черт подери, что произошло? Где мы? — Эрик, поднимаясь с мостовой, крутил головой, оглядывая окрестности с неподдельным интересом. — Я что, умер и попал в Ад?

— Только молящийся пройдет... — объяснил Энейер. — Как это я сразу не догадался? Старый и заезженный фокус, мы должны были посреди пути упасть на колени. Тейлен или забыла, или, что более вероятно, не знала об этом маленьком фокусе. Нужно серьезно с ней поговорить при нашей следующей встрече...

— Так мы... прошли? Это Сигил?

Энейер кивнул. Мимо них пролетело нечто прозрачное, на минуту исказив все в причудливом искривленном зеркальном отражении, превратив и без того хаотичный город в нагромождение черно-белых линий. Повсюду царило оживление: торговцы, покупатели, простые прохожие и карманники, стражи порядка и существа еще более удивительные скользили по улицам города, ловко перемещаясь в многотысячной толпе. Все это было похоже на сюрреалистическую картину, оказавшуюся в плену у геометрически острых углов абстракции, сжимавших беснующуюся толпу каменными стенами фантастических зданий.

Подбросив в руке мешок со звенящими монетами, Энейер направился к ближайшей толпе. Эрик последовал за ним, недоуменно глядя по сторонам, кажется, невероятная картина происходящего никак не укладывалась у него в голове.

Между тем Энейер уже успел остановить одного прохожего, явно эльфа, одетого в зелено-черный камзол:

— Где здесь ближайший портной? — спросил у эльфа Энейер.

— Прямо и направо! — отозвался тот и тут же скрылся в толпе, куда-то торопясь.

— Портной? — переспросил Эрик. — По-моему, госпожа Тейлен велела нам ждать ее в баре, э-э... «Горящий труп», да?

— Вообще-то, до этого она велела нам купить все, что нужно, — раздраженно проговорил Энейер, пряча мешок с деньгами. — Или ты предпочитаешь разгуливать и дальше в таком виде?

Эрик задумчиво посмотрел на свою поношенную дырявую одежду каторжника, потом на прохожих.

— По-моему, всем вокруг все равно во что мы одеты.

— Им, может, и все равно — но мне нет.

Энейер повернул в правый переулок, с трудом ориентируясь в нагромождении домов.

— Кажется, пришли, — пробормотал он, глядя на небольшую вывеску: «Ахмед, лучшая одежда по лучшей цене». — Что ж, лучше, чем ничего...

***

...Эрик в третий раз за последние десять минут поправил воротник красно-фиолетового костюма по Сигильской моде, приобретенного им у

Ахмеда, несмотря на возражения Энейера. Тот купил себе простой черный, без излишеств, кожаный костюм с широкими штанинами, оканчивающимися тонкой кольчугой, и короткими рукавами, по ширине не уступавшими штанинам. Башмаки камбион себе не купил и теперь шлепал босыми красными ногами по теплому камню мостовой. К счастью, у Ахмеда нашлось достаточно воды, чтобы покупатели смогли привести себя в порядок: Энейер, наконец, вымыл лицо и протер короткие серебристые рога, теперь сверкавшие как единственное украшение его сурового костюма.

— Можно поинтересоваться, зачем ты купил эту гадость? — спросил Энейер, придирчиво рассматривая цветастый костюм падшего паладина.

— Красный с фиолетовым — это самые далекие цвета от синего с белым, — резко сказал Эрик.

Синий с белым были цветами паладинов, и бывший член Ордена Сияющего Сердца пытался избежать их любой ценой. Энейер очень хорошо понимал своего друга: так и он пытался убежать от своего прошлого.

— Может, наконец, отправимся в этот бар? — предложил Эрик.

— Сейчас, только купим себе нормальное оружие...

Энейер остановился у прилавка с разными видами холодного оружия и наугад взял одну из сабель. Взмахнув ею, он положил саблю на место и взял следующую. Эрик последовал его примеру, обратив внимание на изящный длинный меч. Через минуту он выбрал себе оружие по вкусу — прямой клинок из светящегося внутренним светом бледно-голубого металла. Энейер оказался гораздо придирчивее: прошло больше часа, прежде чем он, наконец, купил себе короткую, хищно изогнутую саблю из бааторской стали. В это время глаза Эрика, до этого равнодушно разглядывавшие толпу, изумленно округлились.

— Сучий потрох! — прокричал он и схватил камбиона за рукав. — Энейер, смотри! Шарель!

И действительно! Лорд Шарель собственной персоной умело проталкивался сквозь толпу. Эрик рванул вперед, со звериным рыком разбрасывая прохожих. Он уже вытаскивал из ножен только что приобретенный меч, когда жилистая красная рука легла ему на плечо.

— Стой! — Энейер резко потянул обезумевшего паладина назад. — Давай проследим за ним. Интересно все-таки, что он здесь делает. И потом, может это вовсе не Шарель, бывают, знаешь ли, всякие совпадения...

— К черту! Я знаю этого ублюдка достаточно давно, чтобы не перепутать его лицо даже...

— погоди, я не о том, — перебил его Энейер. — Может быть, это двойник или метаморф?

В конце концов Эрик подчинился доводам разума. Они медленно последовали за Шарелем, стараясь не выделяться в толпе.

Оказалось, что паладин Сияющего Сердца весьма неплохо ориентировался в Сигиле — было очевидно, что это не первый его визит в Город Дверей, во всяком случае, он дважды уходил от Энейера с Эриком, и они только чудом наткнулись на него в какой-то подворотне, едва не выдав себя. Скоро стало ясно, что Шарель направляется в Улей — самый грязный и перенаселенный район Сигила.

Сделав изрядный крюк по городу, паладин вошел в бар «Печенный танар'ри», где, судя по названию, собирались баатезу, решившие на время отдохнуть от вечной мясорубки Кровавой Войны.

— Подожди здесь, Эрик, — сказал Энейер. — Человеку все камбионы на одно лицо, а тебя он сразу узнает даже в этом шутовском наряде...

Эрик промолчал, пропуская Энейера внутрь. Бар оказался насквозь прокуренным какой-то гадостью, баатезу, в ленивых позах рассевшись у стойки, помахивали хвостами и крыльями. В основном здесь были абишай, но в дальнем конце бара Энейер заметил пару корнугонов. Похоже, этот бар известным среди баатезу местом. Камбион тут же заметил Шареля, который примостился у стойки рядом с крупным зеленым абишай. Демон задумчиво попивал нечто густое и красное, внимательно слушая Шареля, который что-то втолковывал ему заговорщическим полусшепотом. Энейер подошел к стойке и уселся напротив Шареля, заказав себе вина с кровью. Шарель недоверчиво уставился на Энейера, как будто узнал его, но потом пожал плечами и вернулся к разговору:

— Для ваших целей вполне достаточно, — продолжил Шарель незаконченную фразу. — Отличная сталь с горы Целестия, сам проверял...

— А ты уверен, что ш-железа хватит? — прошипел абишай, помахивая заостренным хвостом.

— Целый меч, к тому же длинный, — возбужденно воскликнул Шарель. — Это семейная реликвия Делвиров, этим мечом Вариус Делвир искрошил уйму баатезу в битве Семи Замков.

— Довольно, — оборвал его абишай. — Мы сог-х-ласны, принеси меч-ш моему г-х-осподину и мы посмотрим, ч-ш-то можно сделать.

— Где мне передать вам меч Делвира? — спросил Шарель.

— Нет лучшего места для тихого дела, чем среди мертвых, — улыбнулся абишай, обнажив клыки. — Мы будем ш-ждать тебя завтра утром у главных ворот.

— Роугрохрорг да осияет нашу встречу адским пламенем, — церемонно поклонился Шарель.

— Да... — протянул абишай. — Роугрохрорг будет доволен, арби Шарель, очень доволен...

Шарель, еще раз поклонившись, вышел из бара. Энейер скрипнул зубами — как бы у Эрика не хватило ума броситься на своего заклятого врага — но все обошлось тихо, Энейер в окно видел спину удаляющегося Шареля, пока тот не исчез в толпе.

— Пей вино, полукровка, — вставая, прохрипел абишай, дружески хлопнув Энейера по плечу. — Час Пробуждения близок!

Допив свое вино, Энейер выскользнул на улицу, где его с нетерпением ожидал Эрик.

— Точно, Шарель, — сказал Энейер, отмахиваясь от вопросов паладина. — Судя по всему, он хочет продать твой меч демонам...

— Что?!

— Погоди... — Энейер задумчиво теребил рукой рукоять сабли. — С чего вообще началась ваша вражда?

— Споры о земле, борьба двух влиятельных семей, ну знаешь, в Амне так всегда... — глаза Эрика внезапно округлились. — Ты что, думаешь, он все это устроил ради меча?

— И ради меча тоже...

— Я повешу эту сволочь на собственных кишках, если он только посмеет осквернить меч Делвиров! — прокричал Эрик, яростно сжав кулаки.

— Погоди, это мы всегда успеем. — Успокоил его Энейер. — Меча у него с собой нет, нужно узнать, где он собирается передать его баатезу. Они говорили о главных воротах обители мертвых или что-то в этом роде...

— Поймать одного из баатезу и вытрясти из него все, что он знает? — предложил Эрик.

— Нет, мы поступим умнее, — покачал головой Энейер. — Похоже, настало время посетить этот пресловутый «Горящий труп».

***

Бар «Горящий труп» вполне оправдывал свое название: внутри помещения, прямо у входных дверей, над огромной жаровней левитировал охваченный пламенем человек. Пламя явно имело магическую природу, потому что от горящего человека не несло тошнотворным запахом обожженной плоти.

Несмотря на жуткий антураж, посетителей в баре было предостаточно. Помимо сигильцев всех рас и мастей, за отдельным столиком сидела пара абишаи, задумчиво попивающих бааторское жгучее пиво, и периодически обводящих взглядом косых черных глаз толпу. Тейлен, сидевшая за крайним столом, едва увидев вошедшего в бар камбиона, вскочила и со всей силы ударила по столу стаканом из небьющегося лимбийского стекла.

— Йер, черт подери, где тебя носило?! — прокричала она и тут, заметив вошедшего следом Эрика, чуть спокойнее добавила. — Отличный костюм, только могли бы спросить меня, где можно купить приличные шмотки, перед тем как переться черт знает куда. Здесь недалеко есть лавка Ахмеда...

— Знаем, знаем... — устало отмахнулся Энейер, падая за стол. Эрик почтительно присел рядом. — У нас были неотложные дела.

— Что?! Вы в Сигиле меньше суток, а у вас уже есть неотложные дела. Что-то мне не нравится, как это звучит.

— Верно, — Энейер быстро рассказал подруге о встрече с Шарелем.

— Как ты думаешь, что это за «место среди мертвых», у ворот которого должна состояться встреча абишай и Шареля?

— Ну, это точно Мортуарий, — задумчиво перебирая пальцы, ответила Тейлен.— Он недалеко отсюда, большое черно-золотое здание, пропустить невозможно.

— Кстати, ты, случайно, не знаешь, кто такой Роугрохрорг? — с трудом выговорив незнакомое имя, спросил Энейер.

— Какой-то демон, — пожала плечами Тейлен. — Я не в курсе, кто сейчас входит в Большую Семерку баатезу, но не исключено, что там есть и это имя. Судя по количеству «р» — он большая шишка. Похоже, он сильно понадобился здешним абишай, раз они решили вызвать его, принеся в жертву металл с горы Целестия и кровь ангела...

— Кровь ангела? — нахмурившись, спросил Эрик.

— Ну да, — Тейлен снова пожала плечами, как будто говоря о чем—то обыденном. — Заклятье вызова высшего демона-баатезу требует небесного металла и крови ангела, в смысле, крови существа с Высших Планов.

— Не могу поверить, что в этом лиходействе принимает участие человек из Ордена Сияющего Сердца! — изумленно проговорил Эрик. — Даже такой испорченный, как Шарель... Нет, это же противоречит самой природе человека!

— Лично я видала вещи и поотвратительней, — равнодушно заметила Тейлен.

— Ладно, — Энейер залпом осушил бокал вина. — Где здесь есть приличные оружейные магазины? Я и Эрик завтра утром встречаемся с несколькими абишай и лордом-паладином Шарелем.

— Ты, Эрик и я, — поправила Тейлен. — Орден отправил меня проследить, чтобы ты не вляпался в какие-нибудь неприятности. Как видишь, Йер, они не ошиблись.

— Йер? — недоуменно переспросил Эрик.

— Ну да, сокращение от Энейер, — Тейлен закатила глаза. — Язык ведь сломаешь, пока выговоришь эти эльфийские имена.

— Скажи спасибо, что меня зовут не Роугрохрорг, — сказал Энейер.

— Спасибо, — пробурчала Тейлен. — А теперь за работу. Первым делом нужна броня для твоего друга-паладина. Я знаю одного гнома с Кринна, который торгует как раз такими вещами...

Закат

Обитая железом, дубовая дверь кузницы Харинда со скрипом отворилась, пропуская внутрь высокого, худощавого камбиона, нелепо одетого человека средних лет, в котором угадывался знаток оружия и доспехов, и девушку, привыкшую ходить легкой, крадущейся походкой.

— Я все-таки не понимаю, зачем мы покупаем броню у гнома? — недовольно пробурчал Энейер. — Неужели во всем Сигиле нет ни одной приличной дворфовой кузницы?

— Ух, забыла предупредить, — рассеянно проговорила Тейлен, проскальзывая в закрывающуюся дверь вслед за Эриком. — Криннские дворфы зовутся гномами. Я пыталась понять почему, но так и не смогла. Харинд говорит, что это что-то связанное с «трудностями перевода».

— Бред какой-то... — заметил Энейер.

— Может быть, — равнодушно заметила Тейлен. — Только не называйте Харинда дворфом, он терпеть не может своих не-Криннских сородичей.

— Как же нам его тогда называть? — поинтересовался Эрик.

— Господин Харинд. И вообще, вы будете молчать — говорить буду я, — добавила Тейлен и позвонила в стоящий на прилавке звонок.

Задняя дверь кузницы распахнулась, и в помещенье вошел дворф. Внешне он ничем не отличался от знакомых Энейеру и Эрику Торилских дворфов. Та же длинная кучерявая борода, те же мощные, мускулистые руки и короткие ноги, обутое в кожаные сапоги ноги. На плече дворф тащил огромный латный нагрудник, явно рассчитанный на полу-орка.

— Эй, Харинд, привет! — очаровательно улыбнулась дворфу Тейлен.

— О-па! — только и выговорил тот, от неожиданности роняя нагрудник на пол. — Да это никак Тейлен! Что, пришла расплатиться со старым другом?

— Расплатиться? — неуверенно отозвалась Тейлен. — Разве я тебе что-то должна?..

— Шучу! — расхохотался Харинд. — Чего надо?

— Вот этот человек, — она бесцеремонно ткнула пальцем в Эрика. — Ищет полный комплект брони, желательно посеребрянной и окропленной святой водой. Только не вашей, гномьей, а нормальной, целестийской.

— Э-э, да вы никак против демонов собрались! — догадался Харинд.

— Абишай, — уточнил Энейер. — Может, еще кто-нибудь из баатезу. Мне бы не помешала серебряная сабля, заговоренная жрецом или магом. Я так понимаю, бааторская сталь баатезу не берет?

— Отчего же, — усмехнулся дворф. — Еще как берет, клин клином вышибают... хотя, ты знаешь, действительно лучше запастись серебром, в таком деле наперед ничего не знаешь.

— Ладно, хватит языками чесать! — прервала не успевший начаться разговор Тейлен. — Давай сюда все, что есть.

— Ясно! Все так все! — Харинд громко хлопнул широкими мозолистыми ладонями. — Та-а-к, броня для человека, и для камбиона...

— Только для человека, — поправил Энейер, но не замедлил удивиться. — А что, и особая для камбионов есть?

— У меня все есть! — добродушно рассмеявшись, сообщил Харинд и тут же недоверчиво прищурился. — Только как же ты...

— Я дерусь без брони, — пояснил Энейер. — меня обучали искусству кенсаи.

— Вот оно как, — уважительно подняв брови, проговорил дворф. — Тогда нужно подыскать тебе действительно хорошую саблю.

Харинд снова скрылся у себя в мастерской и вернулся через пару минут. Он выложил на прилавок груды доспехов, с десятков сабель и рапир самых разных мастей, все — с серебряными лезвиями.

— Впервые вижу демона, орудующего серебряным мечом, — усмехнулся дворф. — О тебе будут слагать легенды, парень!

— Ну, я не совсем демон, и серебро для меня неопасно... — возразил камбион.

— Теоретически неопасно, — поправил дворф.

— Может, и так...

— Эй, вы, хватит трепаться! — снова вмешалась Тейлен. — Выбирай себе саблю, и потопали отсюда. Мы еще должны до вечера побывать у Сириуса Златого и закупить там святой воды и заклинаний против демонов.

Энейер послушно потянулся к сабле, лежащей сверху груды оружия, но внезапно его рука замерла и потянулась за не приметной рукоятью, выглядывающей из-под горы металла. Обтянутая кожей рукоять без драгоценных камней, светящихся на остальных саблях и рапирах... ничем не примечательная, эта рукоять приковала его внимание, как будто была отлита из чистого золота. Энейер уже почти прикоснулся пальцами непонятно отчего задрожавшей руки к изогнутой рукояти, обитой черной кожей, когда дворф, заметивший его движение, внезапно вскрикнул:

— Не тронь!!!

Энейер отдернул руку, удивленно уставившись на оружейника.

— Простите меня... простите, — внезапно посеревший дворф чуть не рухнул на пол. — Это оружие попало сюда по ошибке, ах, я старый дурак! И как только у меня мозгов хватило... вы ведь чуть не сжали руку...

— В чем дело? — недоуменно спросил Эрик, в это время примерявший нагрудник.

— Этот меч, вернее, сабля, зовется Полумесяцем, — Харинд аккуратно взял не приметную с виду саблю за лезвие и вытащил ее из-под груды звенящего оружия.

Лезвие отливало серебром, но не отражало при этом свет, а поглощало его, оставаясь внутри черным, лишенным собственного цвета. Как обсидиан королевского скипетра, окруженный серебряным кольцом инкрустации, как черная бездна вечности.

— Его создал чернейший и могущественнейший в истории Кринна маг, Фистандантилус. Это лезвие помнит холод его ладоней и тепло его черной крови, которой он окропил металл, перед тем, как выковать его, придать ему форму...

— Какая патетика! — восхитилась Тейлен. — Харинд, ты, часом, стихов не пишешь?

— Замолчи, женщина! — прервал ее дворф. — Я не нахваливаю товар, потому что этот клинок не продается.

— Собираешь легендарные мечи, Харинд? — хмыкнула Тейлен. — По-моему, это не слишком прибыльное увлечение для оружейника.

— Да нет же... нет, — огрызнулся Харинд. — Темный маг, да будет его имя предано забвению, заклял лезвие. К нему может прикоснуться только Проклятый — существо без души.

Внезапно Энейер подался вперед и мертвой хваткой вцепился в рукоять сабли. Его обдало холодом, таким сильным, что все тело разом отказалось повиноваться ему. Он стоял, не в силах пошевелиться, и смотрел, как перед ним черным провалом разверзается Бездна. А потом тихий, прерывистый голос проговорил: «У Пути Проклятого нет начала или конца. Пустая душа не знает покоя, и только мертвый заступит за грань вечности».

Энейер почувствовал, что умирает, он видел блеск клинков разрезающих его тело, чувствовал теплую кровь, боль и запах смерти.

«У Пути Проклятого нет конца...»

Бездна... холод, кровь, боль. Энейер растворился в этой боли, его больше не существовало, он видел осколки собственной личности, чужие принципы и чужие идеалы, натянутые им, как чужая одежда, а под ней пустая душа камбиона.

«Душа не есть святость, душа есть свобода выбора, возможность вершить свою судьбу...»

Холод, боль, кровь, воронье, трупы, окрашенные кровью равнины, красное, сплошь в багровых пятнах, небо над головой. Бездна. Энейер сильнее сжал руку, чувствуя рукоять сабли — изгиб грубой кожи, намотанной на дешевый металл. Внезапно холод сменился всепоглощающим жаром, огнем, спалившим его тело до кости. Разум эльфа был не в силах вынести такую боль, но тело демона и пустая душа камбиона молча поглотили боль и жар, холод и кровь, чужую личность, распавшуюся в осколки... Энейер больше не чувствовал ничего, он исчез, его не стало, последний отблеск его жизни исчез вместе с воспоминанием о боли, и Бездна поглотила его.

***

...Последнее испытание кенсаи состояло из трех этапов. Первым этапом была битва с тремя противниками одновременно. Вторым — полоса препятствий, состоящая из нагромождений вращающихся и движущихся лезвий. Последним этапом был поединок с самим собой. Энейер не знал, что это значит, но его предупредили, что ни один кенсаи не будет говорить о третьем испытании, потому что все, прошедшие его, оставшуюся часть жизни пытаются стереть этот поединок из собственной памяти.

«Неужели настолько страшно было встретиться с самим собой?» — недоумевал Энейер, когда настал его черед проходить Испытания.

Трое бросились на него, одновременно размахивая оружием. Полу-орк, эльф и дворф — довольно странная комбинация противников. Полу-орк был вооружен тяжелым двуручным мечом, эльф — рапирой, а дворф — боевым топором. Действуя на удивление слаженно, противники окружили Энейера,

синхронно нанося удары. Камбион пригнулся, уходя от широкого лезвия двуручного меча, отбил саблей выпад рапиры и перехватил древко топора, вырывая его из рук дворфа. Отпрянул назад, коротким ударом сабли обрывая жизнь дворфа, снова скрестил клинки с эльфом, откатился в сторону, избегая меча полу-орка, и с силой вогнал ему в брюхо изогнутое лезвие своей сабли.

Двое противников были мертвы, но бой был далеко не закончен, Энейер и эльф застыли, пристально глядя, друг другу в глаза. Рапира и сабля блеснули, одновременно нанося скользящие удары, и со скрежетом скрестились в воздухе, высекая искры из отточенных лезвий. Удар, еще удар. Более выносливый камбион мог измотать эльфа до полного изнеможения, но тот не спешил наносить удары и спокойно стоял на месте, отражая атаки Энейера, и изредка делал резкие, стремительные выпады, уклониться от которых было невозможно.

Энейер почувствовал кровь, стекающую по его руке: рукав рубахи был распорот от плеча до груди, кровь сочилась из широкого пореза. Покрытые кровью босые ноги скользили по полу, Энейер чувствовал, что может погибнуть, не пройдя даже первого испытания.

Эльф спокойно готовился добить камбиона, держа поднятую рапиру на уровне живота, острие чуть наклонено вперед — как на уроке фехтования. Энейер бросился вперед, как красная молния, сабля слилась в размытый полукруг, метнувшийся к голове эльфа, тот успел поднять рапиру, но страшная сила удара вдавила ее лезвие в голову хозяина. Эльф погиб от прикосновения собственной стали. Покрытый чужой и своей кровью, Энейер одним движением вытер саблю, одновременно пряча ее в ножны...

***

...Лезвия вращались с огромной скоростью, поднимая ветер, развевающий серебристые волосы Энейера. Между ними невозможно было проскочить. Невозможно для обычного воина. Но кенсай учили непостижимой для простых бойцов концентрации, когда время замедляет свой бег и можно увидеть, где заканчивается настоящее и начинается будущее — увидеть грань вечности.

Энейер оттолкнулся босыми ногами от гладкого пола, легко перепрыгнул через первое лезвие, уклонился от второго, пригнулся, снова прыгнул, кувыркнувшись в полете, чувствуя, как всего в сантиметре от его головы, срезая волосы, пронеслось серповидное лезвие. Камбион упал на пол, упершись в холодные плиты пола острым коленом. Энейер глубоко вздохнул...

***

...Зеркальный зал, третье испытание, поединок с самим собой. Энейер вошел в зал, зачаровано разглядывая собственные отражения. Дойдя до середины зала, он в недоумении остановился. Внезапно одно из отражений пошевелилось независимо от камбиона, отраженный Энейер вытащил саблю из ножен и шагнул вперед, переступая черту зеркала. Настоящий Энейер, наблюдая за своим отражением, извлек из ножен саблю и стал терпеливо ждать.

Отражение резко рванулось вперед, нанося удар, Энейер хорошо знал этот прием. Отбросив приближающееся лезвие, он резко, наотмашь ударил Отражение. Зеркальный противник также легко парировал удар, отходя в сторону. И тут камбион с ужасом понял, что не знает такого удара, каким он смог бы победить свое отражение. В битве с самим собой победителей нет

и, в конце концов, они оба упадут на пол, пронзенные саблями, застывшие в объятьях смерти. Энейер и двойник уставились друг на друга, и камбион прочел в глазах своего Отражения тот же ужас: двойник понимал, осознавал то же, что и Энейер.

Он понял смысл испытания: пусть лучше один Энейер выйдет из этого зала живым. Отраженная жизнь лучше смерти. Камбион опустил рукоять сабли, припадая перед двойником на одно колено. Отражение стремительно атаковало, заноса саблю. Удар! Энейер остановился, глядя, как на пол падает обезглавленное тело... его тело. Потом посмотрел на саблю, привычно лежащую в его вспотевших ладонях, ту самую, которой он только что нанес удар. Так кто же из них был отражением?..

***

...Энейер открыл глаза, чувствуя, как последний осколок его старой личности опадает в Бездну. Что-то изменилось в самой природе Проклятого, он понимал, что никогда больше не вернуться старому Энейеру, тому, что еще не знал прикосновенья к рукояти Полумесяца. Точно так же, как не вернется тот Энейер, чей труп остался в зале отражений. Камбион уверенно сжал рукоять сабли Фистандантилуса.

— Я чувствую себя сильнее, — прошептал он.

— Йер, это ты? — дрожащим голосом спросила Тейлен. — Твой голос... изменился.

Камбион задумчиво взмахнул саблей. Лезвие запело, рассекая воздух.

— Он сделал эту саблю для меня, понимаешь? Он знал.

— Кто знал?

— Фистандантилус.

***

...Элминстер проснулся в холодном поту, ощущая прикосновение другого мира. Человек в черных одеждах, какие носят темные маги Кринна, предсказал, его, Элминстера, смерть от руки камбиона. Величайший маг Фэйруна впервые за долгие годы почувствовал животный страх за собственную жизнь, такой сильный, что едва не отменил приказ Нейеке устранить камбиона. Помолившись Мистре, Элминстер все же сумел успокоиться и взять себя в руки.

«Ну же, старая развалина. Все не так уж плохо, Нейеке справиться, девочка она шустрая, а Черный Чародей о ее смерти ничего не говорил...»

***

...Энейер неподвижно стоял на широкой улице Сигила, глядя на медленно темнеющую мозаику Города Дверей. Рядом стоял падший паладин Эрик в новой сверкающей серебряной броне с двуручным мечом на плече. Тейлен в своем обычном черном костюме сидела на лестнице кузницы Харинда, хозяин которой, опершись на стену, мечтательно смотрел куда-то вдаль.

— Я чувствую приближение бури, — своим новым, тихим и более внушительным голосом сказал Энейер.

— Да друг, приближается буря, — подтвердил Эрик.

— Закат сегодня багровый, — внезапно проговорил Харинд. — Завтра прольется кровь, много крови...

— Да вы заткнетесь или нет?! Тошно слушать! — почти закричала Тейлен. — Терпеть не могу «грязную» работу, а из-за вас должна вмешиваться в дела баатезу... тьфу!

Разбитое солнце

Нейеке, держа в руке стилет, склонилась над спящим камбионом. Она могла прямо сейчас ударить его кинжалом в горло, одним движением убив того, кто причинил Арфистам столько хлопот.

Откуда ей было знать, что Полумесяц начинал дрожать, когда рядом с ним появлялось другое лезвие? Энейер старался не подавать виду, что проснулся, и тихо вслушивался, пытаясь опередить, кто стоит с оружием в руке над его кроватью. Тонкий слух камбиона позволял ему уловить едва слышный шорох ткани одежд Нейеке, ее тихое дыханье... Энейер был готов встретить стилет Полумесяцем, с которым не расставался, даже когда спал.

Нейеке, наконец, приняла решение и занесла стилет для удара, Энейер услышал знакомый свист кинжала рассекающего воздух и откатился в сторону. Стиллет проткнул кровать, на которой только что лежал камбион, и по самую рукоять вонзился в ее деревянный каркас, завязнув в простынях.

Энейер и Нейеке уставились друг на друга. Арфистка среагировала первой, молниеносным движением руки она ударила по золотым струнам арфы висящей у нее на поясе и волна звука сбила Энейера с ног. Звон струн разорвал саму ткань мироздания, впиваясь в Энейера тысячью железных иголок. Боль жгла как огонь, кипящая, пульсирующая... из ушей закапала кровь, в глазах потемнело. Звук оглушил Энейера, превратив из опасного противника в беззащитную жертву. Стоя на коленях он сквозь пелену боли увидел, как Нейеке нараспев читает заклятие, в последний момент он узнал

заклятье «Палец смерти», и в отчаянно защитном движении поднял Полумесяц, закрываясь им, как щитом.

Маленький черный шарик вылетел из ладони Нейеке и, разгоняясь, понесся к Энейеру, сливаясь в черную, пульсирующую линию. Камбион встал на ноги — кровь струилась из его ушей, он знал, что заклятие, возможно, не подействует, и тогда ему будет дано мгновение, так необходимое для концентрации энергии *кй* и мощного броска вперед, на застывшую в колдовском оцепенении противницу.

Луч отразился о Полумесяц, как будто ударившись об зеркало, и, разгоняясь, вернулся к Нейеке, пронзая ее, как копье. Арфистка взвыла и осела на пол, предсмертный хрип вырвался из ее ослабевшего горла, и дыханье покинуло тело Нейеке.

Энейер опустил Полумесяц и судорожно вздохнул. Нейеке погибла от собственного заклинанья. Дверь в комнату Энейера с грохотом распахнулась: на пороге стояла Тейлен, сжимая в руках серебряные кинжалы.

— Йер, что тут произошло? Я слышала, как кто-то кричал... — тут Тейлен увидела труп арфистки и изумленно ахнула. — Абишай меня подери, это ж Аллора! Та самая дамочка-арфистка, которая выдавала себя за твою сестру.

— Я заметил, — сказал Энейер, опуская саблю. В ушах звенело, как будто чем-то тяжелым ударили по голове, и он больше читал по губам, чем слушал. — У нее на поясе маленькая такая арфа, это она ей меня отделала.

— Бард-асассин, — уточнила Тейлен. — Так я и думала...

Сняв с трупа Нейеке арфу и два стилета, Тейлен довольно ухмыльнулась:

— Кстати, эти штуки стоят целое состояние, Арфисты никогда не экономят на оружии. Здорово ты ее...

— Это не я, — покачал головой Энейер и помахал саблей. — Полумесяц, он отбил заклинание.

— Да? — с сомнением спросила Тейлен, глядя на саблю Энейера. — Очень интересно... похоже, этот Фистан-как-его-там действительно потрудился над этой штуковиной. Интересно зачем?

Тут дверь в комнату снова с грохотом распахнулась, во второй раз ударившись о стену, и на пороге возник Эрик. Бывший паладин сжимал в руках свой двуручный меч, с которого медленно стекала свежая кровь.

— Двое, — только и выдохнул он. — Ловкие, как сволочи. Один маг, второй ассасин... Слава Хельму, у меня нюх на такие вещи. Надо будет сказать трактирщику, чтобы он отчистил пятна крови с ковра. Вы, я вижу, тут тоже времени даром не теряли...

Падший паладин, слегка расслабившись, кивнул на труп Аллоры-Нейеке.

— Те двое, наверное, были ее группой прикрытия, — предположила Тейлен. — Непонятно только, зачем они к тебе сунулись?

— По-моему, они не хотят, чтобы ты убил Шареля, Эрик. — догадался Энейер. — Убийство лорда, занимающего ведущее положение в крупном ордене, разрушит созданный арфистами баланс в Амне.

— Хм... может быть, — задумалась Тейлен.

— Чертовы нейтралы, — сплюнул Эрик. — Вечно они все путают своими размышлениями о Балансе Сил. Прав тот, у кого меч больше!

— Не очень-то по-паладински, — заметил Энейер.

— Чхать я хотел на паладинов, — огрызнулся Эрик. — Год каменоломен и оставшаяся часть жизни в нищете, вот вся моя награда за то, что я был паладином!

— Да помолчите вы! — прервала Эрика Тейлен. — Если вы не заметили, у нас здесь три трупа Арфистов. А это, между прочим, самая мощная организация Фэйруна, в последнее время они обошли даже Красных Магов Тэя. А все потому, что на их стороне выступает Элминстер собственной персоной... и что этому старому козлу не сидится в своем Доле Теней?

— Не очень лицеприятный отзыв о самом могучем маге в истории Фэйруна, — с упреком заметил Эрик.

— Пошел ты, — выругалась Тейлен. — Похоже, из тебя еще не все паладинские замашки выбили...

— Эй, в чем дело? — возмутился Эрик.

— Потом расскажу... — толкнул его локтем Энейер. — Так что ты там говорила про Арфистов?

— То, что они теперь объявят на нас охоту! Между прочим, эта Аллора сумела выследить тебя в Сигиле, понимаешь?! Завтра же кончаем этого вашего Шареля и двигаем отсюда куда-нибудь в Кюрст, Пандемониум или в саму Бездну, лишь бы эти любители подрывчат на арфах нас там не нашли!

Энейер и Эрик, переглянувшись, с согласием кивнули.

***

...Сочная зеленая трава колыхалась под ногами, волнуясь изумрудным морем под дуновением весеннего ветерка. Девочка лет десяти собирала полевые цветы, босиком бегая по теплой земле. За склоном холма к небу поднимались струи белого дыма — в родной деревне топили печи влажным, трещащим в огне хворостом, запах которого не спутаешь ни с чем на свете.

Запах весны. Солнце медленно катилось по небу — вечерело, полевые запахи смешались с ароматом готовящегося ужина...

Тейлен пропустила момент, когда к этим запахам примешалась тошнотворная вонь горящих волос и паленого человеческого мяса, а белый дым над деревней сменился черным.

Крики и отзвуки боя достигли ее вдалеке от дома, и когда девочка, наконец, сбежала с невысокого холма, спотыкаясь на одеревенелых ногах и перекатываясь, ранив лицо и руки в зарослях колючек и чертополоха, все было уже кончено. От родной деревни остались только спаленные каркасы домов и обугленные трупы родных, соседей и друзей, с которыми она играла несколько часов назад. Вся прежняя жизнь утекала с последней струйкой черного дыма, стекавшего с горячей кровли родного дома. Тейлен закричала и побежала к все еще раскаленному пепелищу, не обращая внимания на жар, обжигающий ноги, на пепел и дым, высекающий слезы из глаз....

И тут же остановилась, зачарованно глядя на странного седого человека в красных одеждах и остроконечной шляпе, задумчиво шарящего посохом в пепле.

Старик услышал ее, медленно обернулся и успокаивающе поднял руку.

— Тише дитя, я не обижу тебя.

— Кто вы? — только и выговорила Тейлен, глотая слезы.

— Меня зовут Элминстер, — проговорил старик и приосанился, как будто ожидал, что она узнает его.

Тейлен недоуменно шмыгнула носом, и Элминстер облегченно вздохнул, как будто ожидал от нее другой реакции. Потом вдруг в его глазах появилось понимание, и он растерянно спросил:

— Ты, случайно, не из этой деревни?

Тейлен так и села в горячий пепел, утирая слезы рукавом. Элминстер понимающе кивнул.

— Да... страшные вещи творят орки. Хотя не нам, людям, винить их...

— Орки? — недоуменно спросила Тейлен. — Вы видели орков?

— Э-э... ну да, пятнадцать, может, двадцать, я, если честно не считал... у них тут кочевье рядом, понимаешь ли. Позавчера я уже видел пару дюжин — здоровые ребята, нужно будет не забыть записать, что здешние орки предпочитают ятаганам короткие мечи. Ты мне напомнишь, если я забуду?

— Вы давно знали об орках?.. — спросила Тейлен, чувствуя, как в горле заостряет комок.

— Орках?.. — Элминстер рассеянно почесал затылок. — Ну да... я уже вторую неделю за ними наблюдаю. Странное племя, двадцать или тридцать юрт в миле отсюда, перекочевали с юга...

— Но ведь если вы знали, вы ведь могли предупредить нас? — спросила Тейлен внезапно посиневшими губами.

— Мог бы, — задумчиво пожал плечами Элминстер. — Но тогда бы вы их убили.

Тейлен тупо уставилась на Элминстера. Тот, похоже, даже не понимал, что мог предотвратить кровавую резню, учиненную орками.

«...Тогда вы бы их убили».

Тейлен почувствовала нарастающую ярость. Она вскочила на ноги и прыгнула на мерзкого старика, пособника орков, ставшего для нее олицетворением зла и несправедливости в разом опустевшем мире. Старик рассеянно оттолкнул ее в сторону.

— Не мешай дитя, иди играть в другое место... — рассеянно буркнул Элминстер, потом вдруг добавил. — Ох, прости меня старого, тут ведь, небось, твои родные жили, да? Держи, за упокой их души.

Он протянул ей золотую монетку.

— Вы... могли... помочь! — прокричала Тейлен сквозь слезы, отшвыривая монету.

— Э-э... вообще-то, да, мог бы... — Элминстер посерьезнел. — В прошлом я часто помогал людям, оказавшимся в беде. И очень редко это приводило к чему-нибудь хорошему. Посуди сама, ну, вырезали бы твои родные орков, потом гоблинов, потом кобольдов, потом квартов и других нелюдей, живущих неподалеку. Кого дальше, эльфов резать?

— Понимаешь ли, детка, — продолжил Элминстер менторским тоном. — Все эти нелюди жили тут в гармонии сотни лет, пока не появился человек. Люди по ошибке считают себя главенствующей расой, призванной повелевать другими народами, и безжалостно уничтожают свободных нелюдей. Если бы я присутствовал при сожжении твоей деревни, то, конечно же, помог бы людям, но даже после этого не стал бы сообщать им о поселениях орков — это привело бы только к новым конфликтам. Возможно, то, что произошло сейчас — лучший вариант для всех. Как бы это ни прискорбно звучало.

Тейлен смотрела на Элминстера как на безумца, а старик только покачал головой, жалея, что ребенок не поймет глубокий смысл его слов. Потом развернулся и зашагал прочь, твердо ступая по пепелищу.

— Я убью тебя, слышишь! — прокричала ему вслед маленькая Тейлен. — Клянусь, что убью тебя, Элминстер!!!

***

За долгие годы общения с демонами лорд паладин Шарель так и не привык к их противному шипению, всякий раз выводившему его из себя. Вот

и сейчас, неся в руках завернутый в тряпку меч Делвиров, Шарель раздраженно думал о том, как злобно зашипит отвратительная ящерица, хватая своими кривыми лапами оружие из святого металла.

Шарель успокаивал себя мыслью о том, что все это — для высшего добра... Но все же отвращение перед демонами пересиливало, и он еще сильнее прижимал к себе меч, гадая, сумеет ли расстаться с уже ставшим почти родным оружием. Воистину несправедливо, что таким благородным мечом столь долго владел презренный Эрик Делвир, не ведающий истинного света.

— Сталь с г-х-оры Целес-с-тия подойдет... — прошипел ему отвратительный ящер Рагоноц во время их первой встречи в божественном городе Правды, Сигиле. — Роугрохрорг ответит на все твои вопросы, ч-ш-еловек.

Воистину пути Господа нашего Хельма неисповедимы! Кто мог подумать, кто мог представить себе, что таинство света сокрыто в величайшей тьме, и только демон из преисподней Роугрохрорг знает ответ на вопрос, мучивший паладинов Сияющего Сердца на протяжении последних двух веков? И только он, лорд Шарель, удостоен чести услышать его, пусть даже из уст отвратительной ящерицы, чтобы потом принести благую весть своим братьям и по праву занять место магистра Ордена!

Мортуарий — довольно странное место для встречи, хотя с другой стороны... Шарель обернулся, глядя на камбиона, стоящего у ворот. Было в нем нечто смутно знакомое... ах, да, это его он видел в демонской пивнушке вчера. Ну что ж, пусть ящеры сами подбирают себе свиту...

***

Энейер проводил паладина глазами, задумчиво поглаживая пальцами рукоять Полумесяца. Потом взмахнул рукой, подавая сигнал спрятавшимся в тени обсидианового обелиска Тейлен и Эрику... И тут же скользнул во двор вслед за Шарелем, все время оставаясь в тени высокой каменной ограды. В Сигиле, городе, лишенном настоящего, живого неба и солнца, тени всегда были непроницаемо черными. Прятаться в тенях он научился вечность назад... в залитых водой улочках портового города Ласкана. Тогда его не смогла бы услышать даже пробегающая мимо крыса, но сейчас, имея дело с баатецу, нужно было быть очень осторожным.

***

...Рагоноц с ненавистью рассматривал приближающегося человека — предателя, посулившего помочь возвращению Роугрохорга, только для того, чтобы величайший ответил на его жалкие вопросы. Рагоноц с радостью убил бы эту падаль на месте, но приказ Грохрогима удерживал его руку... Приказ и искушение прибавить к своему имени еще один заветный слог, приблизившись к самому Грохрогиму, и после смерти восстать из огня Баатора в обличье прекрасного зеленого абишаи. Может ли быть на свете награда желаннее? Рагоноц облизал раздвоенным языком покрытые городской пылью губы, переиначивая свое имя, добавляя к нему еще одно «р»...

Ранороц, Рагнороц, Рагнощор...

— Ты прине-с-с меч-ш с г-хоры Целес-с-тия? — спросил Рагоноц, едва сдерживая искушение вырвать заветный сверток из рук нечестивого человека.

— Меч Делвиров здесь, — глядя на черного абишаи с не меньшей ненавистью, проговорил Шарель, и обнажил сверкающий клинок. — Сталь с горы Целестия, ящер, как мы и договаривались.

Рагонощ подал знак своим товарищам, и пятерка черных абишаи окружила Шареля плотным кольцом. Только один Рагонощ знал, какое усилие воли ему потребовалось, чтобы не проговорить: «Разорвите его на куски... медленно».

— Час пробуждения близок! — проревел Рагонощ.

— Воистину так, — ответил ему низкий, демонический голос. Двери Мортуария открылись и на пороге возникли фигуры людей в длинных серых робах, напоминающих погребальные саваны.

— Мой добрый друг Рагонощ... — прошипел голос, и на пороге возник красный абишаи, медленно раскачивающий заостренным хвостом.

— Приветствую, Грохрогим, — низко поклонился красному демону Шарель. — Как скоро пробуждение свершится?

— Оно уже началось, лорд Шарель, — оскалил клыки абишаи. — Мы ожидаем твоей жертвы... идем же, паладин, сегодня ты узнаешь ответы на все свои вопросы!

***

Двери Мортуария медленно закрылись, пропуская процессию, несущую меч внутрь. Никто не заметил скользнувшую в узкую щелку камбиона, тут же исчезнувшего в тених по ту сторону закрывшихся дверей.

— Чтоб я провалился в Бездну! — закричал Эрик, подбегая к захлопнувшимся массивным дверям. — Что нам теперь делать?!

— Заткнись и дай подумать, — бросила Тейлен, задумчиво прикасаясь руками к тяжелым железным дверям, покрытым замысловатым узором.

— Между прочим, там наш друг, — прорычал Эрик. — Один против своры демонов...

— За Йера можешь не волноваться, — рассеянно пробормотала Тейлен. — Во-первых, он сам наполовину баатезу, во-вторых, он кенсai, а ты, насколько я поняла, еще не знаешь, кто такие кенсai...

— Но третью причину ты уже не назовешь, — раздраженно буркнул Эрик.

— Назову. Его меч, Полумесяц, — сказала Тейлен и серьезно посмотрела на Эрика. — Тебе он не показался странным?

— Если ты о легенде его создания то, по-моему, Харинд просто набивал мечу цену.

— Ты не знаешь Харинда, — покачала головой Тейлен. — Он бы не стал пугать покупателей всякими небылицами. К тому же мне не нравится перемена, произошедшая с Йером после покупки этого дурацкого меча, он стал... замкнутее, если не сказать большего.

— Я знал молодых рыцарей, которые перед битвой теряли голос и становились неуклюжими, как дряхлые старухи...

— Энейер не молодой, и тем более не рыцарь. Я знаю его с детства, но он никогда, понимаешь, никогда не был ребенком.

— Глупости это все, — упрямо повторил Эрик. — Мы ничего не добьемся, стоя здесь.

— Верно, — махнула рукой Тейлен и направилась к выходу из двора Мортуария. — Идем, я нашла другой вход в этот клоповник...

Энейер медленно следовал за процессией абишаи, уносившей меч Делвиров все глубже в недра Мортуария. Воздух в залах Мортуария был затхлым и мертвым, насыщенным запахами бальзамирующей мази и вонью разлагающихся трупов. Энейер с отвращением облизал губы, чувствуя, как на них оседает пыль, летящая из далекого, гудящего в недрах здания крематория. Эфес Полумесяца приятно грел руку, как ладонь старого друга. Казалось, что этот меч был с Энейером всегда.

Процессия остановилась в огромном зале, освобожденном от тележек с трупами. У стен с зажатыми факелами в руках стояли зомби — возрожденные трупы, прислужники «Пыльных» — фракции сигильцев, идеологией которой являлась смерть во всех ее проявлениях.

Грохрогим и Рагоноц, все еще сжимающий в когтистых лапах заветный сверток, вышли в центр зала, остановившись у небольшой медной подставки, наполненной кровью. «Пыльные» в капюшонах молчаливым кольцом окружили демонов. Лорд Шарель в недоумении уставился на отсвечивающую багровыми бликами кровь.

Энейер осторожно подкравшись сзади к одному из «Пыльных», бесшумно ухватил его за горло и утащил в темноту. Быстро спрятав бездыханное тело под пустующей телегой, камбион натянул серую хламиду поклонника смерти, и занял место «Пыльного» в плотном кольце серых теней, в которых едва угадывались живые люди.

— Великий Роугрохрорг, — начал Грохрогим. — Лорд пламени, демон преисподней, правая рука Величайшего, мы, ничтожные слуги твои, призываем тебя. Пробудись из долгого сна, Роугрохрорг!

Факелы в руках зомби загорелись еще ярче, набросив на зал паутину черных теней. Кольцо «Пыльных» сомкнулось, подходя ближе, и посреди

зала возник столб яркого пламени, в котором черной тенью проступили очертания огромного существа, почти достававшего головой до высокого потолка. Пламя потухло так же внезапно, как и разгорелось, оставив только слабое тление на крыльях возникшего демона. Его огромная фигура заполнила зал, черная лоснящаяся чешуя поглощала свет огней, едва заметным отблеском отмечавший перекатывающиеся под ней булыжники мышц. Горящие глаза демона обшаривали все вокруг алчным взглядом.

— Кто из вас, смертных, посмел разбудить Роугрохрорга? — проревел демон, и крылья его разгорелись с новой силой, освещая зал.

— Никто из смертных еще не набрался подобной наглости, — вежливо обратился к демону Грохрогим. — Это сделал я.

— Грохродрагим? — пробормотал Роугрохрорг почти растеряно. — Тебя понизили до абишай? Во время последней нашей встречи ты был выше меня не только по росту.

— Неведом путь пламени и следующих за ним, — процитировал Грохрогим. — Сейчас я Грохрогим, абишай, стремящийся вернуть свое старое имя.

— За какие благодеяния тебя понизили? — расхохотался Роугрохрорг. — А впрочем, неважно. Что тебе нужно, старый враг? Говори или оставь меня в покое. Я видел чудный сон: пылающие глубины Баатора, врезающиеся своими раскаленными краями в ненавистную Бездну, и тысячи тана'ри, горящие в этих огнях.

— Твои мечты могут исполниться, о великий! — почтительно склонив голову, прохрипел Рагонощ. — Я, Рагонощ, смиренный черный абишай, первым узрел путь твоего возвращения... Мы здесь, чтобы пробудить тебя от Вечного Сна, Роугрохрорг. Пробудить раз и навсегда.

— Да... пробуждение, — задумчиво проговорил Роугрохрорг. — Я ведь почти забыл, как греет душу огонь Баатора, а воды Стикса очищают разум... Я устал, Рагонощ, да будут прокляты ангелы Целестии за то, что они сделали со мной. Покой, Рагонощ, они искушают меня вечным сном даже сейчас...

— Кровь ангела, Роугрохрорг! — прокричал Грохрогим. — И сталь с горы Целестия, вот что избавит тебя от проклятия Вечного Сна. Роугрохрорг скоро снова поведет нас в бой, восседая на пылающем скакуне, там, в прекрасных глубинах Баатора!

— Выпей же кровь жителя ненавистной Целестии, Роугрохрорг, и утоли свою жажду, — нараспев проговорил Рагонощ.

— Ну что ж... для начала мне нужно принять более удобную форму. — Роугрохрорг шагнул вперед, внезапно превратившись в невысокого эльфа, одетого в красные одежды, с огненной шевелюрой вьющихся волос и красивым, хоть и жестоким бледным лицом.

Поднеся к губам медную чашу, Роугрохрорг начал жадно пить кровь. Выпив чашу до дна, он отбросил ее в сторону и проревел:

— Прекрасно! Давно я не чувствовал себя настолько живым. Я чувствую в себе пламя Баатора. Рагонощ! Где сталь со скалы Целестия? Позволь мне, наконец, пробудиться от ненавистного сна!

— Уговор, демон! — прокричал Шарель, выбегая на середину зала. — Не забывай про наш уговор.

— Мы, баатезу, всегда держим слово. О, величайший, — обратился он к Роугрохроргу. — Этот ничтожный смертный отдал нам сталь, так необходимую для твоего пробуждения, потребовав от нас слово, что ты ответишь на его вопросы.

— Вопросы? — переспросил огненный эльф. — Ну что ж, это не противоречит законам. Меня даже позабавит ответить на твои глупые, ничтожные вопросы. Спрашивай же, смертный!

— В эпоху, известную как Время Смуты, когда боги обрели плоть и были вынуждены ходить по земле, подобно смертным, бог, известный как Хельм, сражался с тобой на севере Фэйруна, в Долине Ледяного Ветра.

— Я помню бога-паладина, маленький лорд, — нахмурился Роугрохрорг. — Твой вопрос интересен мне, продолжай...

— В неистовстве битвы вы взобрались на самую вершину Хребта Мира, и там он поразил тебя, изгоняя назад в пламенеющие глубины преисподней, но и сам, оказавшись раненым, лишился своего второго меча, Торнсилъна, выкованного в кузне богов. Знай же, демон Роугрохрорг, что я, лорд паладин Шарель из тайного Ордена Разбитого Солнца! Цель моего Ордена — отыскать священную реликвию и вернуть ее Хельму в обмен на силу и власть над Торилом. Ради всеобщего блага и порядка, разумеется.

— Благородная цель, — проговорил Роугрохрорг, — так в чем же твой вопрос, лорд Шарель?

— Я знаю, что тебе ведомо, где сокрыт Торнсилън, — прохрипел Шарель, его лицо преисполнилось неземного восторга. — Отвечай, демон!

— И ты... ты стоишь здесь, не зная ответа?! — внезапно расхохотался Роугрохрорг.

Согнувшись, он смеялся звонким, чистым смехом, как будто происходящее действительно забавляло его.

— Воистину странные судьбы бывают у смертных! Ну что ж... я расскажу тебе о том, «где сокрыт» Торнсилън, маленький паладин. После моего падения и возвращения Хельма в лоно небес, упавший к подножью гор меч нашли дворфы Дорна, тогда еще великого подземного королевства.

Столетиями позже, отчаявшись разгадать секрет выплавки божественной стали, из которой был выкован Торнсилън, дворфы подарили меч эльфу Ларрелю, повелителю Руки Селдарина — сторожевой башни эльфов, ныне известной как Отрубленная Рука. Годами позже башня пала под ударами орды орков и гоблинов, а все ее обитатели превратились в призраков, став узниками Митрила — защитного заклинания, наложенного Ларрелем в последней, отчаянной попытке спасти свою башню. Торнсилън на время затерялся, и люди забыли о нем. Только я, да еще несколько Высших знают, что дальше случилось с вашей священной реликвией. Дракон по имени Шарогаегромн, более известный как Златый, прикарманил драгоценный меч. Он отбил его у маленького отряда гоблинов, которые намеревались продать реликвию дроу, чтобы те смогли принести ее в жертву богине Ллотх, падкой до таких безделушек. Две сотни лет хранился Торнсилън в логове Златого, пока однажды отважный паладин Вариус Делвир не убил древнего дракона... Увидев среди груды драгоценностей, которые он поклялся подарить городу Невервинтеру, сверкающий меч, он решил, что это и станет его наградой за совершенный подвиг.

— Меч Делвиров! — одними губами выговорил побледневший Шарель.

— Какая ирония! — ухмыльнулся Роугрохрорг. — Как видишь, я дал ответ на твой вопрос, смертный, вот он — Торнсилън, Левая Длань Хельма, меч Делвиров. Ты в собственных руках держал власть над Торилом и отдал ее мне, врагу господу твоего Хельма, для того чтобы я снова смог освободиться от наложенного дивами проклятья.

— Н-е-е-ет!!! — обезумевший Шарель бросился вперед, скрюченными пальцами пытаясь достать заветный сверток, плотно зажатый в лапах Рагоноща.

— Мы держим свое слово, смертный, — зло прошипел Грохрогим, отпихивая паладина в сторону. — И не убиваем тех, кто помогает нам, пусть даже неосознанно, пусть даже раскаиваясь в этом. Твоя жизнь станет твоим наказанием. Я рад за тебя Шарель, возможно, после смерти твоего материального тела из тебя получится зеленый абишай...

Демоны дружно засмеялись, глядя, как Шарель в истерике катается по полу.

— Лэмур, вот кто из него получится, — сплюнул Роугрохрорг. — Никакой выдержки! А еще паладин... Повеселились, и хватит. Закончим с этим фарсом, меня ждут пылающие глубины Баатора, а нашего друга Рагоноща новая, сияющая зеленая шкура.

— Прими же от меня ненавистную сталь клинка с горы Целестия, о Роугрохрорг! — пропел Рагонощ, протягивая сверток огненному эльфу. — И переруби им оковы вечного сна!

— Постой Рагонощ, — нахмурился Роугрохрорг, всматриваясь в толпу «Пыльных». — Прости, но я вижу здесь кое-кого более достойного вручить мне освобождение. Да... пускай мой сын возложит в мои руки священный клинок!

— Твой сын, о великий? — переспросил Рагонощ, уставившись в толпу и стараясь проследить взгляд Роугрохрорга. Его прищуренные глаза, наконец, остановились на Энейере. — Ах, полукровка! А еще подумал, с чего бы это ему красться за нами, точно крысе, если можно с почетом присоединиться к процессии? Готовил отцу сюрприз, малец?

Энейер медленно выступил вперед, сбросив с головы капюшон. Все присутствующие в зале уставились на него. Он же, в свою очередь, смотрел только на лицо огненного эльфа, ища в нем сходство со своим собственным. Да, без сомненья перед ним был его отец, повелитель ревущего пламени

Роугрохрорг. И камбион против воли почувствовал благоговейный трепет, глядя в пылающие глаза баатезу.

Остановившись рядом с Роугрохроргом, Энейер взял в руки завернутый в серый плащ «Пыльного» меч Делвиров, глядя, как блики факелов играют на его обнаженном лезвии. Стальная рукоять жгла руку даже сквозь плотную ткань — настолько губительным для демонов было прикосновение к благословенному металлу.

— Ты только посмотри, какой славный меч раздобыл мой сын, — с улыбкой сказал Роугрохрорг, указывая на Полумесяц, висящий на тонком кожаном поясе Энейера. — Славная сталь, к тому же я чувствую кровь: сильную, темную кровь. Эге, да это ж меч Фистандантилуса! Ну что ж малыш, тебе удалось удивить отца. Смотри и учись, Рагоноц! Какой славный паренек, даром, что полукровка...

— Как звали мою мать... отец? Скажи мне, — спросил Энейер, все еще глядя на лезвие Торнсилна.

— Сначала отдай мне меч, — улыбаясь, попросил Роугрохрорг. — Я вижу, что ты ненавидишь меня, и мне приятно это чувство. Мы — баатезу — высоко ценим такую лютую ненависть. Из тебя выйдет хороший наследник...

— Ну что ж... — подражая отцу, проговорил Энейер, зная, что Роугрохрорг просчитался. Энейера никогда не интересовало имя матери, да и имя отца. Он вспомнил слова Фистандантилуса: «Душа не есть святость, душа есть свобода выбора, возможность вершить свою судьбу...» — и с силой вогнал лезвие Торнсилна прямо в сердце огненного эльфа.

К его изумлению, Роугрохрорг улыбнулся, когда святой клинок пронзил его. Красные одежды потемнели, пропитываясь пылающей кровью, и демон, все еще улыбаясь, подмигнул Рагоноцу:

— Ты ведь не мог справиться лучше, верно?

— Я не ненавижу вас настолько сильно, величайший...

— Спасибо сын! — искренне поблагодарил Энейера Роугрохрорг. — Твой удар освободил меня, как я и ожидал...

Грань вечности

— Мой меч! — закричал Эрик, едва завидев вдали свет сияющего Торнсилльна.

— Стой! — схватила его за плечо Тейлен. — погоди! Их же там сотни, они тебя в клочья разорвут... погоди, посмотрим, что будет дальше...

— Кто все эти люди? — спросил шепотом Эрик, указывая на толпу.

— «Пыльные», — ответила Тейлен. — Фракция, которая считает, что смерть — это смысл жизни.

— Глупость какая, — поморщился Эрик. — С чего бы им помогать демонам?

— Они станут помогать всем, кто пообещает им Истинную Смерть.

Роугрохрорг вытащил меч из груди, улыбнулся Энейеру, держа сверкающий клинок в горячей ладони, и отшвырнул его прочь.

— Эта железяка мне больше ни к чему, хочешь — бери.

— Мой друг будет рад вернуть себе этот меч...

— Мне все равно... — пожал плечами Роугрохрорг и расхохотался, глядя на поникшего Энейера. — А ты чего ждал, сын? Мне *двадцать тысяч* ваших лет, а тебе сколько? Двадцать, тридцать? Ты даже не младенец по сравнению со мной — ты ничто. Обмануть меня ты не сможешь, наверное, никогда. Конечно же, я знал, что ты ударишь меня, знал, что именно в этом мое освобождение... Ты удивляешь меня сын, такой успех с одной стороны, — Роугрохрорг кивнул на Полумесяц. — И такое разочарование... но,

впрочем, все к лучшему. Почему мы медлим, Рагоноц? Баатор ожидает моего возвращения, а новая зеленая шкура ждет тебя...

— Как будет угодно величайшему... — покорно склонил голову абишай, и несколькими пассами рук отрыл широкий портал, отсвечивающий адским огнем.

— Идем же, сын, — протянул руку Роугрохрорг. — Ты знаешь, что твоя судьба в служении мне. Встань же по правую руку от отца и прими силу, часть которой была дана тебе с рождением.

Энейер низко поклонился отцу и встал по правую руку от демона, глядя в пылающие недра портала. Когда-нибудь все это должно было закончиться: вся эта боль, весь этот страх... Пустая душа не знает покоя, так пусть же ненависть и жажда крови поглотят пустую оболочку, выжигая Путь Проклятого адским пламенем Баатора.

— Кого же мы ждем? — усмехнулся Роугрохрорг, готовясь пройти сквозь портал.

— Меня! — прогремел властный голос, из темного коридора вышел старик в красных одеждах и с резным посохом в руках.

Густая белая борода до пояса, кустистые брови, нависшие над мудрыми глазами. Элминстер. Рядом с ним шел еще один маг в просторной голубой тунике, его черноволосую голову покрывал изящный берет, оттенявший веселые глаза, сияющие на улыбчивом лице, украшенном ухоженной короткой черной бородой. Воло. По левую руку от Элминстера стоял темный эльф, одетый в синеватую мифриловую броню поверх синей же с белым туники. Две сабли, чуть тоньше тех, что любят орки и конные воины, привычно лежали у него в ладонях. Дризт До'Урден.

— Элминстер! — приветливо прогоготал Роугрохрорг. — Ты, как всегда, вовремя, я все равно собирался вернуться сюда и пустить тебе кровь

за то, что ты помог дивам заключить меня в Вечный Сон. Как видишь, ты опоздал, я снова свободен, а ты со своим сбродом неровня мне и моему сыну.

— Посмотрим... — звонким голосом сказал Дризт, весело поигрывая Сияющим Клинком.

— Ух, сегодня нам придется туго, Эл, — Воло толкнул локтем старика. — Обернувшийся эльфом демон со своим ублюдком-сынулей, да еще дюжина абишаи. «Пыльных» я в счет даже брать не буду...

— Помолчи, Воло, — взмахнул рукой Элминстер. — Роугрохрорг — ты угроза для Фэйруна и всех остальных жителей Торила, как и твой сын... Тут лицо Элминстера исказилось от сильной душевной боли.

— Он сделал свой выбор: кровь Нейеке и других невинных на ваших руках, справедливым судом приговариваю вас к смерти...

— Ах, какие слова! — воскликнул Роугрохрорг. — «Справедливым судом», «угроза для Фэйруна». Ты глупец, Элминстер! Мне не нужен твой грязный Фэйрун. Все, чего я хочу — это снова окунуться с головой в клочущее пламя Баатора, и ты не сможешь мне помешать. Приговаривай меня к смерти, давай! Я бессмертен, глупец, со временем я снова восстану в чертогах пламени и вернусь за твоей душой!

Роугрохрорг взмахнул рукой, и огненный меч потоком пламени вырвался из его пальцев, ложась сияющей рукоятью в ладони. Энейер одним движением обнажил Полумесяц, подставив его черное лезвие свету.

— Уйди с дороги, Элминстер, — прошептал он, глядя в глаза самого могучего мага Фэйруна. — Есть вещи, которые даже ты не в силах изменить...

Элминстер взмахнул рукой вместо ответа, тысячи сверкающих искр вырвались из его левой ладони, ослепляя и ранив глаза. Энейер зажмурился, пропуская волну искрящихся кусочков раскаленного железа сквозь себя, так

же поступил Роугрохрорг и все абишай. Когда они открыли глаза, «Пыльные» лежали на полу, ослепленные «сияющей пылью».

— Неплохо сработано, дед, — прорычал Рагоноц. — Трюкачи на ярмарке показывают такое за пару медяков!

В это время Грохрогим выступил вперед, нараспев читая заклинание — огненная стрела слетела с его когтистых пальцев, целясь в Воло. Маг легко отразил заклятие и улыбнулся.

— Слабо, Грохрогим, — покачал головой Роугрохрорг. — Совсем не твой уровень...

— Дурацкое тело абишай на большее не способно! — прорычал тот в ответ.

— Ну, все, довольно лирики... — улыбнулся огненный эльф. — Давай же, Элминстер, я жду.

Дризт метнулся вперед, вращая саблями над головой, Рагоноц и Грохрогим одновременно наскочили на него с двух сторон, отбивая удары кривых клинков чешуйчатыми лапами. Элминстер и Воло выбросили руки вперед, осыпая Роугрохрорга магическими снарядами. Демон только улыбнулся, выставляя вперед изящную бледную руку. Заряды отразились от нее, как свет от зеркала, и вернулись к своим создателям, пробивая их защиту.

Энейер неподвижно стоял, подняв Полумесяц на уровень груди. Краем глаза он заметил, как зашевелился Шарель. Похоже, «светящаяся пыль» не слишком сильно поразила его.

Воло, оправившись после попадания двух магических снарядов, прошедших-таки сквозь его тройной щит, приготовился применить «кислотную стрелу Мельфа». Хорошее заклятие, но в битве с опытными магами совершенно бесполезное.

Роугрохрорг, все еще улыбаясь, изменил полярность своей защиты, придавая себе полный иммунитет к ядам. И тут же понял свою ошибку, глядя, как «ледяной конус» Элминстера летит на него вихрем белых осколков. Демон отскочил в сторону, чертыхаясь, несколько льдинок впились в него, острыми иглками разрезая плоть. Элминстер довольно улыбнулся.

Дриззт легким движением порезал руку замешкавшегося Грохрогима. Абишай взвыл и принялся драться с удвоенной силой. В это время двое черных абишай из свиты Рагоноща разом навалились на Воло, и тут же отлетели в сторону отброшенные «силой одного».

Элминстер и Роугрохрорг застыли, скрещивая в воздухе мечи Мондеркайнена. При этом демон так и норовил осыпать старого мага магическими снарядами того же изготовления. Элминстер терпел, вкладывая все больше сил в слабеющую тройную защитную мантию. Внезапно, в этом шуме прозвучал ликующий голос:

— Торнсилън! — кричал Шарель, вознося к потолку зажатый в руке сияющий меч. — Теперь Торил мой!

— Меч Делвиров! — прокричал Эрик, выскакивая из своего укрытия; за ним, чертыхаясь, бежала Тейлен, на бегу вытаскивая серебряные кинжалы. — Не смей касаться его своими погаными руками.

— Вот видишь, в какой обстановке мне приходится работать?! — пожаловался Элминстеру Роугрохрорг, и одним движением уничтожил оба магических меча, осевшие в воздухе облаками пыли.

— Надоело, — капризно заявил он, ударяя в мага классическим трио магических снарядов, кислотной стрелы и хроматической сферы. Элминстер с легкостью отразил все заклятья вовремя выставленным щитом.

— Никакой фантазии... — пробормотал он, чувствуя, как щит разрывается на часть, поддаваясь пробивному заклятью Роугрохрорга.

В последний момент, когда податливый эфир щита уже рассыпался под растопыренными пальцами, Элминстер перехватил летящие в него снаряды Мондеркайнена, возвращая их Роугрохроргу. Энейер, стоявший возле отца, среагировал мгновенно, отбивая их Полумесяцем.

— Зачем ты помогаешь ему, Энейер? — спросил Элминстер, переводя дух.

— Душа не есть святость, душа есть свобода выбора, возможность вершить свою судьбу, — процитировал Энейер, закрывая собой ослабевшего отца.

Элминстер понимающе кивнул и выпустил в Энейера град магических снарядов. Камбион прыгнул вперед, обращаясь к *кй*. Светящиеся алым снаряды пульсирующими точками медленно поплыли в воздухе, вместо того чтобы молниями нестись к цели. Энейер ловко отбил их Полумесяцем и приземлился на пол, чувствуя, как *кй* покидает его тело, а время набирает свой бег.

— Ловко, — заметил пришедший в себя Роугрохрорг, выставляя вперед руки, пульсирующие адским пламенем, струя которого через мгновение сорвалась с пальцев демона, целя в Элминстера. Старый маг отпрыгнул назад, конусом льда воздвигая перед собой стену, поглотившую огненную струю.

Шарель и Эрик кружились в смертельном танце, обмениваясь ударами, Делвир вращал над головой серебряным двуручником, не давая лорду-предателю подойти близко, и одновременно надвигался вперед, каждый раз взмахивая серебряным острием все ближе... Тейлен, растерявшаяся в начале боя, увидела своего кровного врага Элминстера, и с криком ярости бросилась на него, ударяя кинжалами. Прочный посох старика отбил ее атаку и ловко отпихнул девушку в сторону.

— Отстань дитя, я занят! — пробурчал Элминстер, выписывая рукой в воздухе сложное заклинание.

Роугрохрорг на всякий случай утроил свою защиту, но это ему не слишком помогло — прямо под ногами у демона появилась трещина в Бездну, из которой тут же с невероятной яростью высунулись костлявые руки десятков тана'ри, обхватив Роугрохрорга за ноги, затаскивая его в образовавшуюся брешь между мирами. Огненный эльф дико закричал, разбрызгиваясь слюной от ярости, вызванной прикосновением Кровных врагов. Энейер вовремя подскочил к отцу и быстро обрезал Полумесяцем схватившие его когтистые руки. Роугрохрорг высвободился и отскочил, со страшной ненавистью глядя на Элминстера.

— Проклятие, старик, ты знаешь, как можно разозлить баатезу!

— И это только начало... — улыбнулся Элминстер, разжимая кулак «поцелуем гадюки».

Воло ловко ушел от атаки Рагоноща, накладывая на замешкавшегося абишаи «каменное проклятие». Рагонощ взвыл и застыл на месте, превратившись в неподвижную, мертвую статую. Воло склонил берет набок, лихо улыбнувшись. Роугрохрорг улыбнулся в ответ и, не отвлекаясь, снял заклятие с абишаи, одновременно осыпая мага дюжиной магических снарядов. Мимо Воло, ослепленного поглощающим магические снаряды щитом, пронесся Грохрогим, в одиночку сражающийся с Дриззом, и, легко уклоняясь от очередного выпада кривой сабли противника, сдернул с застывшего мага берет. Злорадно улыбаясь, абишаи натянул его себе на голову, став похожим на гремлина.

— Нет, ну это уже личное оскорбление! — возмутился Воло, и тут же получил когтистой лапой по груди.

Щит спас его от удара лишь отчасти — сплевывая кровь, Воло откатился назад и прокричал:

— Эл, я совсем забыл, что сегодня день рождения моей тетушки, нужно спешить. Увидимся в Доле Теней, ладно?

— Трус! — прохрипел Рагонощ, глядя на исчезающего в портале мага.

— По-моему, из всей твоей свиты он самый разумный человек, — заметил Роугрохрорг, слой за слоем, как с луковицы, снимая с Элминстера защитные заклятия.

Энейер ушел от выпада пролетевшего мимо Дриззта. Дроу развернулся на месте, готовясь к новой атаке, но несколько черных абишай закрыли от него камбиона, за что и поплатились — отрубленные хвосты и крылья разлетелись в разные стороны.

— Ей Роугр-как-тебя-там, — звонко позвал демона Дриззт. — У тебя, что, никого, кроме этих черных заморышей с собой нет?

— Почему нет? — проревел Грохрогим, бросаясь на дроу. — Есть еще зеленые!!!

Дриззт быстро парировал выпад противника левой рукой, правой снося зеленому абишай полкрыла. Грохрогим взвыл и отпрянул, поливая все вокруг кипящей кровью.

— Катись отсюда, Грохрогим, — прорычал Роугрохрорг, глядя на мучения собрата. — Только под ногами путаешься...

Грохрогим, чуть поклонившись, скрылся в дымке портала на Баатор.

— Наши ряды тают, — пошутил Роугрохрорг, отражая новые атаки Элминстера, тот, в свою очередь, пытался пробиться сквозь защиту демона, одновременно отбивая посохом кинжалы Тейлен.

В этот момент Дриззт резко развернулся, снося голову Рагонощу...

— Жаль, — прокомментировал Роугрохрорг. — Из него мог получиться отличный зеленый абишай, ну что ж, побудет черным еще одну инкарнацию...

— Смотри, сам не окажись в итоге лэмуром! — бросил темный эльф огненному, и, резко закружившись, двинулся на Энейера. Вопреки его ожиданиям, камбион не стал ввязываться в драку, а только легко оттолкнув противника в сторону, и бросился помогать оступившемуся Эрику.

— Глупцы! Меня нельзя победить, меня нельзя уничтожить, я бессмертен!!! — вопил Роугрохрорг, поливая все вокруг ревушим пламенем.

Элминстер двинулся вперед, занося руку для последнего заклинания.

— Хорошо, ты меня убедил, — сказал он, бросая в Роугрохрорга «сферу отчуждения».

Демон отпрянул, пытаясь уклониться от летящего в его сторону пульсирующего шара, но не успел — и оказался заключенным в прозрачную непробиваемую сферу.

— Бессмертен, значит? — продолжил Элминстер, открывая новый портал. На этот раз в его сиянии ясно просматривались сверкающие снега горы Целестия. — Ну что ж, будь бессмертным. Будь вечно... спящим! — выдохнул он, бросая Сферу Отчуждения в синюю бездну портала.

— Прощайся с жизнью, Шарель! — воскликнул Эрик, последним ударом выбивая меч из рук противника.

Взмах меча — и голова паладина-предателя отлетела в сторону, разбрызгивая кровь. Делвир отбросил в сторону серебряный двуручник и благоговейно поднял с пола Торнсилньн... и тут же отбил им выпад подскочившего Дриззта.

Энейер, замешкавшись, пропустил момент, когда сфера Роугрохрорга упала в бездну портала, мерцая бледно-синими огнями. Единственное, что он

теперь понимал — сфера будет держаться до тех пор, пока жив Элминстер. Глаза камбиона встретились с мудрыми глазами старого мага, и увидели в них только пустоту, только ненависть, только ярость, только кровь... и тут Энейер понял, что смотрит в отраженную зеркалом мудрых старых глаз собственную пустую душу.

— Да, Энейер, — кивнул Элминстер. — И все это ты...

Маг развел руки, и тысячи песчинок понеслись по полу, касаясь босых ног Энейера.

Стены Мортуария медленно сменились песчаными просторами неизвестной пустыни. Энейер и Элминстер стояли друг напротив друга. Заклятие песчаного шторма заревело, поднимая к небу вихри огня и песка, Энейер упал на землю, и тут же взлетел подброшенный мощным воздушным ударом, сменившимся яростным жжением адского пламени, которое он, впрочем, отразил без особого труда — кровь демона была рада прикоснуться к ревущему огню Баатора.

Энейер упал в сменивший песок снег, песчаная пустыня в одночасье превратилась в снежную. Ледяные шипы вырывались из земли, осыпая Энейера острыми осколками, камбион бежал, следуя за тенью Элминстера, на ходу отражая Полумесяцем летящие в него магические заряды, алыми отсветами придававшие снегу кровавый оттенок. Небо над головой Энейера заревело, облака закружили в агонии, вспыхивая яркими цепями молний, кривые, раскаленные разряды которых стекали на землю, обжигая бегущего камбиона. Последняя молния ударила прямо перед ним, ослепив Энейера. Он не остановился, он продолжал двигаться вперед, инстинктивно отражая алые заряды, вспыхивающие едва различимыми лучами света во внезапно поглотившей его тьме. Он стал частью *кй*, забыв свое имя, забыв свое прошлое, отбросив свою личность, чтобы двигаться вперед.

Пораженный Элминстер последними заклятиями пытался остановить приближающегося камбиона. Последнее заклятие, могущественное «веленье смерти» ждало своего часа в потаенном уголке его сознания, припасенное как раз для таких случаев. Выкрикивая магическую формулу заклинания, Элминстер выбросил руку вперед... и встретился глазами с тем, кто был могущественнее его. Маг в черных одеждах, являвшийся старику в кошмарах, иронично улыбнулся тонкими губами. Он отвел руку Элминстера в сторону, и того обдало могильным холодом. Темный колдун блеснул в призрачном свете черными, в виде песочных часов, зрачками, и исчез, пропуская вперед Энейера, держащего в руке Полумесяц, хранящий в своей темной стали отблеск этих страшных глаз.

Камбион с размаху ударил старого мага рукояткой сабли по лицу. Элминстер упал на холодный пол Мортуария, чувствуя, как по подбородку течет кровь.

Где-то вдалеке, за гранью вечности, звучал холодный смех Фистандантилуса...

Погребальные костры

...Тонкая рука, обтянутая бледно-желтой, отливающей металлом кожей аккуратно касается ладонью заточенного острее бритвы клинка. Проводит ей вдоль изгиба сабли, оставляя тонкую полосу алых бусинок крови, медленно растекающихся по зеркальному клинку, затемняющих отраженный свет. Черные зрачки в виде песочных часов зачарованно наблюдают за тем, как из светло-зеркального, клинок превращается в черный, непроницаемый...

— Ну что же ты... бей! — почти прокричал Элминстер, глядя на остановившийся у его горла клинок Полумесяца.

Он уже чувствовал холодное прикосновение стали. Кровь, текущая из разбитого носа, залила лицо Элминстера, и, смешиваясь с потом, потекла по бороде, превращая красивое лицо старика в уродливую маску. Эрик, Дризт и Тейлен замерли, опустив оружие, зачарованно глядя на самого старого и могучего мага Фэйруна, которому впервые за многие столетия пустили кровь.

— Сними с моего отца «Сферу отчуждения», — прошептал Энейер, сжимая рукоять Полумесяца побелевшими ладонями. Только он один знал, каких усилий ему стоило остановить рвущийся к горлу старика черный клинок.

— Хорошо... — выдохнул Элминстер, и, закрыв глаза, снял заклинание.

Энейер почувствовал, как колдовское сосредоточение покидает тело старика, и каким-то странным образом знал, что Элминстер сказал правду, знал, что в этот момент «Сфера отчуждения» взорвалась тысячей сверкающих искр, отразившихся в снегах горы Целестия, выпуская Роугрохоррга на свободу.

— Твой отец свободен, целестийцы не успели погрузить его в пресловутый Вечный Сон, и он ушел на Баатор, восстанавливать силы. Можешь прямо сейчас присоединиться к нему... — предложил маг, указывая на все еще ревущий алым пламенем портал на Баатор.

— Нет, — покачал головой Энейер.

— Почему?

— Это одна из вещей, которых тебе никогда не понять Элминстер, — проговорил Энейер, медленно отводя дрожащий Полумесяц в сторону. — Все мы вольны, поступать так, как считаем нужным, во зло или во благо... именно это и делает из нас наследников Богов, а не их бездумные марионетки.

— Почему же ты не убьешь меня? — спросил Элминстер, вытирая рукавом пот со лба.

— По той же причине. Я не хочу становиться марионеткой, — Энейер с заметным трудом повесил Полумесяц на пояс, сабля зашипела, задергалась, но все же подчинилась хозяину. — Ты знаешь, кто изготовил эту саблю, не так ли?

— Фистандантилус с Кринна.

— Верно... — Энейер убрал спавшие на глаза серебристые волосы. — Он создал его, чтобы я убил тебя Элминстер. Знаешь зачем?

— Магический заряд во Вселенной ограничен, — кивнул старый маг. — Чем больше на свете великих магов, тем слабее каждый из них. Этот маг стремится к власти, стремился всю свою жизнь. Я — носитель светоча Мистры, один из самых могучих магов этого Плана, моя смерть усилила бы Фистандантилуса.

— Мне нет до тебя дела, Элминстер. Отзови своего слугу, и никто больше не пострадает...

— Нет! — прокричала Тейлен, бросаясь на раненного мага с кинжалом в руках. — Сегодня ты умрешь Элминстер, я поклялась отомстить...

Девушка внезапно остановилась, глядя на кровь, капающую из разрубленной шеи. Застывшими глазами посмотрела на Элминстера, потом на Энейера, сделала шаг назад и прошептала, тихим замирающим голосом:

— Йер? — и медленно поднеся к разрезанной шее руку, почувствовала на пальцах кровь... споткнулась и упала на пол, больше не дыша.

— Никто не прикоснется к Элминстеру, — проговорил Дризт, вытирая со своей сабли кровь Тейлен. — Сперва придется переступить через мой труп, а это не так уж п...

Дроу запнулся, встретившись глазами с камбионом.

— П-просто...

Не говоря ни слова, Энейер пошел на темного эльфа. Полумесяц сам скользнул в руку, привычно ложась рукоятью в открытую ладонь. Вокруг не было ничего. Зал Мортуария слился в темное месиво света и теней, отбрасываемых факелами все еще горящими в руках безмолвных зомби. Пропал Эрик и Элминстер, пропала лежащая на полу в луже собственной крови Тейлен, пропал Энейер, воин-кенсаи... Остался только Дризт До'Урден, дроу-рenegат, оставивший свой дом, не в силах смириться с жестокостью дроу.

Остался он и Несущий Смерть.

Тот, кого когда-то звали Энейером. Единая сила ненависти, боли и смерти выжгла в нем его прошлое, уничтожила окружающий мир, лишила возможности остановиться, оставив только один путь. Несущий Смерть знал, что он должен сделать: темный эльф умрет, и ничто не сможет остановить Полумесяц, ставший частью Несущего Смерть, слившийся с формой, когда-то бывшей краснокожим телом камбиона. Он чувствовал огонь, проступающий из-под босых ступней, чувствовал, как кипит в нем кровь, едким дымом вырываясь изо рта и глаз. *Путь кй* был отброшен в сторону, когда Несущий Смерть начал жуткий танец, уследить за которым было не под силу смертным.

Дризт не видел ничего этого, он видел только черную тень камбиона, охваченную адским пламенем, и две тонких сабли начали движение одновременно с запевшим Полумесяцем, сплетающим во внезапно отяжелевшем воздухе причудливые узоры. Клинки соприкоснулись, звеня и высекая искры. Несущий Смерть превратился в черную молнию, вихрем ударов отгеснившую Дризта к стене. Дроу едва успевал отбивать удары черной сабли, слившейся в плавающий в воздухе кнут, так и норовящий

срезать кусок плоти темного эльфа, прорезать мясо и вонзиться в кость. Несущий Смерть продолжал движение, не обращая внимания на боль в руках и протестующий треск Полумесяца, каждый раз с невероятной силой ударяющегося о скрещенные клинки До'Урдена.

Удар, еще удар...

Темное месиво кружится вокруг огнями факелов... Шаг, еще шаг, поворот, огонь, проступающий на босых ступнях, шипит, поднимая клубы едкого дыма. Все звуки слились в единый гул соприкасающихся клинков, в свист поющего Полумесяца, в треск ревущего пламени... Такой гул он слышал лишь однажды, когда в Ласкане били в Столетний Колокол, но это было в прошлом, а прошлое не принадлежало Несущему Смерть.

Дризт уже успел пожалеть о том, что оставил в Мифрильном Зале верную Гвенвивар, опасаясь, что она может попасть в лапы демонов. Сейчас посторонняя помощь ему крайне пригодилась бы...

Удар, еще удар... Треск, свист, боль в ладонях... Краем глаза камбион все же увидел сеть трещин, покрывших клинок Полумесяца, но остановить свой следующий удар все же не смог.

Треснувший Полумесяц взорвался тысячей раскаленных осколков, ударивших в лицо Несущему Смерть огненной волной. В глаза как будто впились тысячи иголок, но зрение не хотело уходить, вися в воздухе багряным видением, наполовину скрытым кровью, заливающей глаза.

Все еще сжимая в руках рукоять Полумесяца, оканчивающуюся поломанным лезвием, Несущий Смерть шагнул вперед, чувствуя острую, ледяную боль в руке. Перед залитыми кровью глазами проплыла отрубленная чуть выше локтя рука, обтянутая красной кожей, все еще сжимающая в ладони бесполезный осколок черной сабли. Рука! Его рука! Медленно

проплыла мимо, оставляя за собой тонкую струю крови, почему-то упрямо висящую в воздухе.

Все кончилось так же внезапно, как и началось — наполовину ослепший Энейер мешком упал на холодный пол Мортуария, чувствуя, как толчками вытекает кровь из уродливого обрубка правой руки. Колокола все так же гудели в ушах, затмевая своим звоном боль, огни факелов смешались, слились в единый погребальный костер...

— Ну, вот и все! — раздался звонкий голос Дриззта.

— Отойди в сторону, дроу, — прогремел незнакомый и одновременно вызывающий в памяти смутные образы голос. — Твое поганое племя и так отравляло землю слишком долго.

— Однажды мы снова вернемся к звездам, отбросив паутины лживой Ллотх! — парировал Дриззт. — Я первый показал путь, по которому вскоре вернутся к свету все дроу!

— Поэтому ты все еще жив... — проговорил наполненный силой голос. — А теперь, убирайся, он будет жить. Таково мое веление!

— По-твоему, этот камбион заслуживает жизни? — прокричал Дриззт. — Это идет в противоречье всем твоим ученьям!

— По-моему, вы все заслуживаете права жить, — рассмеялся Голос. — А любое ученье — это и есть противоречье в себе самом.

— Ну, нет, — огрызнулся Дриззт. — Кое-что я понять все же могу. Я победил одного аватара и справлюсь с другим, нападай — я не боюсь!

— Оставь эти глупости, Дриззт! — вмешался Элминстер. — Оставь ему камбиона, пусть живет... Не в правилах Арфистов напрямую вмешиваться в промысел богов.

— Хорошо! — яростно выкрикнул Дриззт. — Забирай своего камбиона, Хельм. Даже не знаю, почему тебя называют богом

справедливости. Являешься в образе падшего паладина, спасаешь демонов... По-твоему, это добро!?

— Совершенно верно. Высшее Добро — это помощь падшим, а не их глупое, бессмысленное истребление, — отозвался Голос.

Сквозь наползающую тьму Энейер увидел синюю вспышку портала, перенесшего Элминстера и Дриззта на Фэйрун. Тьма сгущалась, готовая поглотить Энейера, кровь медленно уходила из слабеющего тела, он уже почти видел Серую Пустыню, куда он должен был попасть после смерти, так и не выбрав свой земной путь... Ветер гнал бесцветные вихри по бесконечным просторам. Приступ отчаяния, ощущение пустоты охватило умирающего камбиона. Энейер закричал — отчаянно, яростно, понимая, что, прожил жизнь напрасно... Чьи-то руки подняли его с холодного пола Мортуария и поставили на ноги. Неведомая Сила, исходившая от этих рук, приятным теплом пробежала по телу, кровь остановилась, Энейер почувствовал, как затянулась рана на обрубленной руке. Камбион пересилил боль и открыл глаза. Перед ним сверкающим серебряным колосом брони стоял Эрик Делвир, сияющий ярким, греющим душу светом.

— Эрик?... — спросил Энейер, прикрывая глаза, не выдерживающие яркого света.

— Хельм, — поправил Бог Справедливости, улыбаясь камбиону.

Осколки веры

...Осенняя листва медленно кружила над землей, подбрасываемая внезапными порывами ветра. Было тепло, почти жарко, очень странная погода для поздней осени, когда деревья уже почти расстались с золотым

нарядом, но первый снег все еще собирался в облачном небе, падая на землю мокрым дождем.

Здесь, в Амне, всегда было тепло. Здесь не было пронизывающего морского бриза Ласкана, покрывающего коркой льда здания на набережной и ранящего лицо тысячами невесомых льдинок, занесенных с далеких ледяных островов, блуждающих в бескрайнем море. Не было воющих в ночи снежных бурь Невервинтера, покрывающих город полуметровым слоем снега за считанные часы. Не было морозных дождей Врат Балдура, несущих по дорогам потоки грязи. Был только теплый ветер, осенняя листва, кружащая в воздухе, и свежий запах приближающейся с севера зимы...

Энейер полулежал в удобном глубоком кресле на веранде загородного поместья Делвиров и вслушивался в пение готовящихся к отлету на юг птиц. Плотный шерстяной шарф прикрывал заживающие глаза, широкий рукав черной куртки (той самой, сигильской) — обрубок руки. Камбион отдышал, удобно устроившись в мягком кресле. Немного в его короткой жизни было таких приятных моментов отдыха души и тела, запоминающихся надолго, а то и навсегда.

Скрипнула дверь... Энейер повернул голову на звук. Хотя он и ослеп, возможно, навсегда, но острый слух, тренированный бесчисленными упражнениями кенсаи, еще никогда не подводил его. Тяжелые, немного неуклюжие шаги. Энейер расслабившись, откинул голову на спинку кресла.

На веранду вышел немолодой человек с черными кучерявыми волосами и короткой бородой, худой и жилистый, напоминающий стройный клинок золотистого меча, висящего у него на поясе. В руке он держал бокал вина.

— Доброе утро, — улыбнулся он камбиону и уселся в соседнее кресло, умудрившись при этом не пролить на свой светло-синий костюм ни капли дорогого темно-красного вина.

— Доброе... — согласился Энейер, прислушиваясь к шумам просыпающегося мира. — У вас здесь всегда так тихо?

— Да... — Эрик Делвир мечтательно зажмурился. — Амн — это мое любимое королевство Торила.

— Просто потрясающая тишина. Я никогда не думал, что на свете такое бывает. Шумные города, свистящий ветер в подворотнях заброшенных кварталов и темных залах покинутых дворцов, капающая вода, пищащие в темноте крысы... А здесь — покой. Иногда мне кажется, что я умер, а ты обманываешь меня, говоря, что это Амн. Скажи мне, что это неправда... Хельм.

— Это — действительно Амн, — ухмыльнулся паладин, отпивая вина. — И именно поэтому тебе стоит называть меня Эрик Делвир, помнишь?

— Да-а... — мечтательно протянул Энейер, поправляя шерстяной шарф, прикрывающий глаза. — Тогда скажи мне... Эрик Делвир, неужели в мире совсем нет места случайностям? Наша первая встреча в забитой деревеньке, во владеньях этого борова Хендекнуда, каменоломни, Сигил... Ты знал все это заранее?

— В некотором роде знал. Но изменить? Изменить не мог, — Эрик Делвир пожал плечами, все-таки проливая пару капель красного вина на свой костюм. Задумчиво глядя на растекающиеся красные пятна, он продолжил. — Случайностей действительно мало, но они есть. Сейчас я догадывался, что могу пролить вино себе на тунику, но, тем не менее, не отставил в сторону бокал, предпочитая рисковать, но наслаждаться изысканным напитком. И так всю жизнь, Энейер. Так всю жизнь...

— К чему все это? Зачем ты помог мне, почему позволили Шарелю отобрать Торнсилън, зачем последовал за мной в Сигил?

— Я просто хотел узнать, — пожал плечами Хельм. — Узнать какой путь ты выберешь, узнать, как воспользуешься Полумесяцем, узнать, как поступят Арфисты, и паладины Разбитого Солнца... странное желание для бога?

Камбион едва заметно кивнул, так, чтобы с глаз не сползла шерстяная повязка. Аватар Хельма говорил еще что-то, но Энейеру не нужны были слова, уже не нужны... Жалел ли он о чем—либо? Может быть. Когда в Мортуарии Хельм подошел к телу Тейлен, произнося заклинание Воскрешения, именно он, Энейер, отвел его руку.

«Не нужно, — прохрипел тогда он. — Она теперь среди тех, за кого поклялась отомстить...»

Нет. Он не жалел о своем решении. Он просто жалел себя, жалел, что никогда больше не увидит подругу детства, приносящую с собой радостные, чистые воспоминания. Все умерло: Тейлен, ненависть к отцу, Дриззту, Элминстеру, стремление обрести покой. Все это было в прошлом, остался только он, Энейер из Ласкана, сидящий в кресле на веранде дома Делвиров. Прав был архимаг Тенеру — покой, только в смерти.

Энейер едва заметно улыбнулся.

— Над чем смеешься? — спросил его Хельм, выпивая второй бокал вина.

— Над собой, над тобой, над Шарелем... Он ведь действительно думал, что получит власть над Торилом в обмен на твой меч.

— Да... человеческая глупость порой не знает границ. Неужели он и другие члены ордена Разбитого Солнца думали, что я оставлю свой меч, часть своей Силы на Ториле... в руках у какого-нибудь орковского атамана.

Я вернулся сюда, как только восстановил всю силу, потерянную в схватке с твоим отцом.

— Скажи мне Хельм, — спросил Энейер, неожиданно серьезно. — Когда Дризт говорило о том, что победил аватара, он ведь имел в виду меня, не так ли? Скажи мне, кто такой Несущий Смерть.

— Я не могу сказать тебе этого, — ответил Хельм. — Не потому, что «это изменит твою судьбу». Нет, я просто не знаю... На тебе лежит проклятье могущественного бога, Кореллона Ларетиана. Проклятие Богов несет в себе искру божественной силы, так же как и их кровь. Я точно не знаю, что ты такое, во многом ты подобен детям Баала, в чем-то баатезу. Ты несешь в себе часть божественной силы, и я не знаю, за что тебя прокляли, а прокляли тебя при рождении. К сожалению, боги не любят делиться своими секретами. Возможно, я не могу ответить, потому что не знаю, кем была твоя мать...

— Я тоже. Но мы оба знаем того, кто сможет ответить на этот вопрос...

— Ты все еще хочешь найти своего отца?

— Теперь, все еще... — покачал головой Энейер. — Раньше это было не важно, теперь же... мне просто необходимо знать, понимаешь? Я хочу узнать, за что меня приговорили к такой жизни, если это можно назвать жизнью.

— Можно... — Хельм протянул Энейеру бокал. — Наслаждайся вином, Энейер из Ласкана, пока оно не нагрелось. И не теряй веры в завтрашний день, кто знает, что он принесет?

— Вера... — Энейер усмехнулся, вертя в руках полупустой хрустальный бокал. — Недавно моя вера раскололась на тысячи обжигающих осколков, так же, как и мой меч. Стальные осколки выжгли мне глаза, осколки веры — душу...

— Душу нельзя выжечь, даже пустую. Ее можно только ранить. А что до осколков... — Хельм улыбнулся, и, взяв из единственной руки Энейера бокал, вложил в раскрытую ладонь камбиона грудю острых, холодных осколков. — Из них ведь можно снова выковать меч. Возможно, даже лучше прежнего.

Энейер сжал руку, чувствуя, как черные осколки пронзают ладонь, как капает из порезов кровь, смешиваясь со слезами. Хельм скрипнул креслом, встал, и вошел назад в дом, оставив камбиона одного, с окровавленными осколками в руке...